

Александр Белов

АРИЙСКОЕ ПРОШЛОЕ земли русской

Александр Белов

**Арийское прошлое земли
русской. Мифы и предания
древнейших времен**

«Свет»

2017

УДК 569.9
ББК 28.71

Белов А. И.

Арийское прошлое земли русской. Мифы и предания древнейших времен / А. И. Белов — «Свет», 2017

ISBN 978-5-00053-883-8

Александр Белов – известный антрополог, палеонтолог и исследователь, доступным и интересным способом может не только донести до читателя свою, поражающую воображение теорию, но и убедить в её достоверности. В своих многочисленных исследованиях А. Белов обнаруживает определенные сходства среди историй и преданий разных племен. В этой книге речь пойдет о сибирской прародине ариев и великом прошлом русского народа. Виртуозно сопоставляя сказания и обычаи разных народов, Александр Иванович позволяет нам увидеть общие черты поверий каждого из них и задуматься, настолько ли мы разные, насколько привыкли думать.

УДК 569.9
ББК 28.71

ISBN 978-5-00053-883-8

© Белов А. И., 2017
© Свет, 2017

Содержание

Тайное возвращение арийской богини на просторы сибирской прародины	5
Вместо предисловия	5
Реинкарнация албасты и алтайская «принцесса»	6
Кем была албаста в «прошлой жизни»?	9
Как Василиса Премудрая не перехитрила своего суженого	12
Как «благородная» царица-волчица породила тюрков	15
Василиса, Золотая Коса, Непокрытая Краса	18
«Когда небо давило, а земля разверзалась», арии отправились на юг	20
Когда на землю пала тьма и солнце скрылось из глаз, Йима зажег огонь	22
Как Йама стал Йимой-драконом и от него будто бы отлетел хварно	24
О том, как Брахаспати выудил из моря три сокровища	27
Богиня-губительница воскрешает своего любовника	30
Умерший и воскресший спутник богини	33
Роковая любовь богини-воительницы	35
Кто похитил молодильные яблочки царь-девицы?	37
Орлиная эпопея о сакральных яблочках	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Белов

Арийское прошлое земли русской

Мифы и предания древнейших времен

Тайное возвращение арийской богини на просторы сибирской прародины

Вместо предисловия

В этой книге речь идет о сибирской прародине ариев и о великом прошлом русского народа. Доподлинно известно, что древние европеоиды несколько тысячелетий назад пришли в Европу и принесли вместе с собой особую культуру, ставшую тем субстратом, на котором впоследствии выросли индоевропейские мифы и сказки. С другой стороны, причудливые и волшебные сказки и легенды европейцев удивительным образом сохранили и донесли до нас реальный исторический пласт культуры наших предков. Археологические и исторические изыскания в Сибири последних лет способны пролить новый свет на прошлое русского народа, а также на прошлое всех народов индоевропейской языковой группы. Великая евразийская степь еще таит в себе немало загадок, которые предстоит открыть ученым. Однако уже сегодня становится ясно, что народы, обитавшие в древности на просторах Великой степи, являются непосредственными предками современных европейцев, индусов, иранцев и других народов. О едином культурном пространстве свидетельствует сходство индоевропейских мифов и легенд; это также доказывает и культ Богини-Матери, распространенный у всех индоевропейцев.

Реинкарнация албасты и алтайская «принцесса»

В мифологии тюркоязычных алтайских народов существует весьма примечательный персонаж – албаста. Этим именем называют высокую обнаженную и белокожую деву с распущенными желтыми волосами. По сей день албаста считается чуть ли не исчадием ада у западносибирских татар, алтайцев, казахов и узбеков. Она имеет обыкновение появляться внезапно, будто вырастает из-под земли, и всегда приносит несчастья. Это злой дух тюрков не давал спать спокойно не одному поколению – им пугали детей.

Однако албаста вовсе не выглядит как «бесовское отродье». При себе она имеет гребенку, магическую книгу и монету. Время от времени албаста заглядывает в книгу и сверяет с ней судьбу каждого увиденного ей человека. Гребенкой она расчесывает свои прекрасные белокурые волосы. Монету албаста дарит тому мужчине, который ей приглянется. После этого мужчина сказочно богатеет. Ибо монета эта имеет обыкновение возвращаться к своему хозяину. Правда мужчина после этого по гроб жизни не может избавиться от чар прекрасной албасты и вынужден служить ей до гроба.

Эти магические атрибуты «белой девы» указывают на некогда созидательную функцию. Как считают ученые, имя албасты произошло от иранского слова «ал» – «божество» и индоевропейского слова «басты» – «дух». По всей видимости, мифологическая родословная албасты, а также ее имя восходят ко времени индоевропейского единства или, по крайней мере, к скифскому времени. Возможно, в былые времена это была богиня плодородия, хранительница очага и покровительница диких зверей. Согласно мифам, албаста частенько появляется в обнаженном виде в сопровождении диких зверей; и это, кстати, роднит ее с греческой богиней любви и плодородия Афродитой, которая также имела обыкновение появляться в компании диких зверей: львов, волков, медведей, – усмиренных ее любовным желанием.

Возникает весьма любопытный вопрос: каким образом у тюркоязычных народов Алтая появился такой необычный мифологический персонаж? Среди нынешнего монголоидного населения нет белокурых высоких дев, к тому же еще и разгуливающих по долам и весям в обнаженном виде с магическими предметами в сопровождении диких зверей.

Нынешнее население Южной Сибири обычно относят к южносибирской переходной расе, которая, согласно научным данным, возникла в I-м тысячелетии до н. э. на стыке обитания европеоидов и монголоидов.

Однако до этого на Алтае обитали высокие, статные люди со светлыми волосами и кожей. К примеру, в конце прошлого века на территории Китая, в Туримской котловине, окруженной со всех сторон горами, китайские археологи раскопали около сотни мумий, принадлежащих древним евразийцам. По странному совпадению среди мумий, пролежавших в песке много столетий, есть и белокурая дева...

А не так давно на Алтае, там, где ныне встречаются границы четырех государств: России, Китая, Монголии и Казахстана, – были раскопаны древние курганы скифского времени. Среди наиболее известных находок – мумия «принцессы Алтая». Алтайская «принцесса» прекрасно сохранилась. Она была похоронена в колоде из лиственницы, а пространство вокруг нее было заполнено льдом высокогорья. Археологи, постепенно оттаивая лед, явили миру «принцессу» почти в девственной красе. На голове у нее был желтый парик, одета принцесса была в шелковую рубашу, ее кожа была покрыта затейливым рисунком татуировки. Одевание «принцессы» и предметы из погребения хорошо сохранились.

Антропологи любовно восстановили черты лица «принцессы» по ее черепу. И перед нами, как живая, отлитая в гипсе, предстала девушка лет двадцати пяти с европеоидной внешностью.

Ну как тут не вспомнить легенды о белокурой албасте?

С другой стороны, согласно китайским летописям, на северо-западе Китая в 1-м тысячелетии до н. э. обитали высокорослые люди с «белыми волосами», их называют «бай». Однако в III веке до н. э. на северо-западе появляются племена хуннов (гуннов), которые подчиняют «бай».

Возникает закономерный вопрос: какое отношение белокурая албаста, а также извлеченная из ледового плена «принцесса Алтая» имеют ко дню сегодняшнему?

Помнится, лет сорок назад, в советское время, когда заметно охладилась наша отношения с Китаем, на экраны кинотеатров вышел необычный художественный фильм, снятый по историческим материалам. Время действия фильма – скифское время. Крепость, расположенную в горах Алтая, со всех сторон осадили бесчисленные орды гуннов. Внутри крепости укрылись ее защитники – племя высокорослых евразийцев. Понимая, что исход битвы будет не в их пользу, племенные вожди принимают непростое решение: воспользовавшись подземным ходом, вывести за горный хребет своих детей. Все племя – и мужчины, и женщины, – проявляя чудеса доблести и героизма, отвлекая врага, гибнет в кровопролитном сражении. Крепость разграблена, сожжена и разрушена. Тем не менее спасены дети, которые под предводительством старца выведены в безопасное место. Старец перед смертью дает напутствие детям хранить верность заветам предков. Вырастая, эти дети вступают в брачные отношения друг с другом, ревностно храня свой род. Они основывают свое поселение высоко в горах. Они верят в реинкарнацию – перевоплощение душ, в то, что их погибшие предки сумеют вновь родиться в новых телах.

Далее действие фильма «плавно перемещается» в советские дни. И по сей день в горном убежище, затерянном где-то в горах Алтая, живет некое европеоидное племя, сохранившее в неприкосновенности свою культуру. Соблюдая древний завет предков, они продолжают заключать браки только между собой. Рядом с ними живут местные монголоидные народности, ведущие свой род от гуннов-завоевателей.

Один из молодых представителей этого немногочисленного европеоидного племени отправляется учиться в Москву и, выучившись на археолога, возвращается в родное селение. Он предпринимает раскопки древней крепости, где когда-то погибли его далекие пращуры, но в этом ему чинят препятствия местные китайские власти, состоящие из представителей титульного этноса. Они вовсе не заинтересованы в том, чтобы «ворошить прошлое» и извлекать на поверхность память о павших героях, которые к тому же были иного рода племени.

Согласитесь, весьма любопытный сюжет для советского фильма. Тема культурной преемственности здесь явно используется в идеологических целях. Помимо прочего, здесь отчетливо присутствует тема реинкарнации.

Нет дыма без огня. Высокогорное плато Укок в районе горы Белуха, длиной 54 км, как раз там, где сходятся границы четырех государств и где находится курган, хранивший мумию «принцессы Алтая», стал зоной противостояния с Китаем. В 1960-е годы здесь был построен укрепрайон, камни для которого брались из древних курганов.

Именно здесь, недалеко от заброшенных дотов и заграждений с поржавевшей колючей проволокой, в 1993 году археолог Наталья Полосьмак выкопала мумию алтайской «принцессы». Мумию сразу перевезли в Новосибирск, где в музее, под стеклом, освещенная специальными лампами, она хранится до сих пор. Однако это вызвало многочисленные протесты местного населения. Протесты усилились особенно в последнее время. «Принцессу надо похоронить там, где ее выкопали... Неурожай, засуха и голод – вот что ждет Алтайский край, если ее немедленно не похоронить», – заявляют местные жители. При этом некоторые называют «принцессу» «дочерью шамана». Здесь словно бы сталкиваются два культа – прах дочери шамана, как и прах самого шамана, не следует тревожить, так как это грозит разными бедствиями и катаклизмами. Иная мотивация у археологов и сотрудников Новосибирского

музея: они буквально лелеют «принцессу», хоть и не считают ее своей праматерью. Весьма любопытно, что один доктор наук, вообще говорит о ней как о живой, получившей «второе рождение в стенах музея». А кто-то из журналистов, отстаивающих право «принцессы» на «вторую жизнь», то ли в шутку то ли всерьез, назвал молодого археолога Наталью Полосьмак, выкопавшую мумию, реинкарнацией «принцессы».

Думается, что в этом конфликте интересов прослеживается не только местечковый патриотизм. Вероятно, конфликт глубже: своими корнями он уходит в прошлое народа. Некоторая часть монголоидного населения Алтая явно желает похоронить европеоидную «принцессу» второй раз. Неужели и сегодня наследники монголоидных гуннов и наследники белых европеоидов продолжают враждовать, как и тысячи лет назад?

Однако совсем недавно было принято «соломоново решение», которое должно примирить всех: «принцессу» из Новосибирска перевезут в Горно-Алтайск, где включат ее в экспозицию специально отстроенного для этого краеведческого музея. Она будет лежать в стеклянном саркофаге, как спящая царевна из сказки Пушкина. Так, «принцесса» станет ближе к родной земле, однако при этом она сохранит свою вторую обретенную совсем недавно жизнь.

Кем была албаства в «прошлой жизни»?

Но кем же являлась мифологическая албаства, ведь ее сегодня вряд ли кто-либо всерьез считает реинкарнацией из прошлого? Меж тем этот мифологический персонаж вполне мог быть воспринят древними тюркоязычными монголоидами от древних европеоидов, живших в Южной Сибири в скифское время. Но, как показывают исследования, образ албаствы восходит к еще более древнему времени. На это в частности указывают этимологические параллели в мифологиях разных народов. Так, существует злая демоница **албасти** у таджиков, связанная с водной стихией. У чеченцев и ингушей бытовали злые духи, преимущественно в женском облике; их называли **алмазами**. Они бывают необычайно красивыми и отличаются огромным ростом. Алмазы покровительствуют диким животным. В охотничьих мифах можно часто встретить рассказы о встречах охотника с алмазами. Иногда алмазы вступают с охотниками в брачные отношения. По поверьям, удача благоволит таким охотникам.

У грузин имеется аналогичный персонаж **Али**. Эти демоницы имеют устрашающий вид: у них зубы из меди, взгляд стеклянный и длинные огненные волосы. Согласно поверьям, али живут в старых развалинах, скалах, глухом лесу. Али имеют обыкновение появляться перед одинокими путниками, коих могут запросто свести с ума или заманить в воду и там утопить. Али могут принимать облик разных животных, таким образом заманивая преследующего их охотника в ловушку.

Своего рода ипостасей Али является златокудрая богиня охоты **Дали**. Избранному охотнику Дали помогает до тех пор, пока он хранит тайну их встречи. Нарушивший это условие тот час гибнет. Сыном Дали и безымянного смертного охотника является герой грузинского эпоса Амирани. Его проглатывает чудовище вешапи, но Амирани рассекает живот чудовища и выходит наружу невредимым, при этом он освобождает ранее проглоченное вешапи солнце.

Амирани очень древний персонаж. Он зафиксирован у грузин повсеместно. Кроме того, образ Амирани прослеживается по археологическим памятникам 3-го тысячелетия до н. э.: бронзовый пояс из Мцхеты, Казбегский клад, Триалетский серебряный кубок. Можно предполагать, что имя Амирани связано как-то с напитком бессмертия Амритой, о котором мы знаем по древнеиндийским мифам. Само слово Амирани, родственное русскому слову «смерть» указывает на этимологическую связь подобного рода. Согласно грузинским мифам Амирани бессмертен.

Герой похищает небесную деву Камари – олицетворение небесного огня, обучает людей кузнечному делу – умению ковать мечи. За свое богоборчество он наказан богами и подобно греческому Прометею прикован к скале. Ему постоянно клюет печень орел. Мучения Амирани множатся, но он не может умереть по определению. Грузины рассказывают, что раз в семь лет пещера, расположенная в глубине Кавказского хребта, где прикован Амирани, разверзается и его можно видеть.

Тело Амирани отмечено знаками луны и солнца; некоторые части тела сделаны из чистого серебра и золота, что, в свою очередь, роднит этого древнего персонажа грузинских мифов с Иваном-царевичем – героем русских сказок, у которого по колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре, а в волосах часты звезды.

Таким образом, мы видим, что златокудрая богиня охоты Дали предстает вовсе не демоницей, а прародительницей героя, освободителя солнца и доблестного «добытчика» небесного огня, принесенного людям. Понятное дело, что Дали не может быть «моложе» своего сына – ее образ также уходит корнями в глубокую древность. Но помимо этого Дали вечно молода, и к тому же еще и бессмертна. О связи Дали с небесным огнем красноречиво свидетельствуют ее огненные локоны.

Согласно преданиям, у древних евразийцев (этот антропологический тип называют палеоевропейским) были огненные рыжие волосы и очень светлая кожа. Очевидно, этот древний тип сохранился кое-где в горных убежищах Кавказа и Балкан, а также в Ирландии. Так, осетины – наследники аланов – имеют некоторый процент рыжеволосого населения. Балканские черногорцы также являются носителем сходного динарского типа. Они высокорослы, у них широкое лицо, высокие скулы и ярко выраженная короткоголовость (брахицефалия). Кроме прочего, к древнему антропологическому типу евразийцев относят и ирландцев, среди которых и сегодня высок процент рыжеволосых. В отличие от осетин и кавказцев, они сохранили белизну своей кожи.

Согласно грузинским мифам, Али может стать верной и послушной слугой человека, если он умудрится отрезать ее золотые локоны. Аналогичный женский персонаж известен под именем **Ал паб** у лезгин, татов, ритульцев, агульцев и андийцев. Однако эта дева обладает злобным нравом, она похищает сердце новорожденного ребенка и кидает его в воду. После чего новорожденный немедленно гибнет.

В армянской мифологии похожие персонажи носят имя **Алы (алк)**. Они также вредят новорожденным и роженицам. Они похищают детей и уносят их к своему царю. У Алы огненные глаза, медные когти, железные зубы. В христианизированном мифе бог создал Алы как первую подругу для Адама. Но Адам, будучи человеком из плоти, отверг любовь огненной женщины. И после этого бог создал Еву, которая и стала женой Адама. Из-за всего произошедшего Алы настроена враждебно к рожаящим женщинам и их потомству.

Некоторые ученые усматривают заметные параллели между Алы (и иными подобными женскими персонажами) и богиней Неба **Аллат (Алилат, ал-Лат)** у древних арабов. Культурная и этническая преемственность между арабами и армянами хорошо прослеживается. Очевидно, отсюда происходит имя первой несостоявшейся жены Адама **Лолит**. Возможно, имя Аллат образовано от запретного имени божества «**илахат**» – богиня. Аллат выступает как женская параллель и супруга Аллаха, а также как мать богов. В Палестине Аллат входила в пантеон и считалась супругой Эла (Илу). Некоторые народности Палестины почитали Аллат как богиню солнца. Иногда Аллат отождествлялась с Афродитой. В городе Таиф Аллат почиталась как богиня-покровительница. Там находилась ее священная территория, святилище и идол – белый гранитный камень с орнаментальными украшениями.

Как тут не вспомнить бел-горюч камень алатырь из русских сказов и заговоров, о котором говорилось, что он «всем камням отец»?

Уничтожив таифское святилище, Мухаммад тем не менее запретил охотиться и рубить деревья в священной роще Аллат. Поначалу он признавал ее божественную природу, но затем отверг это.

К этому нужно добавить, что **Аллах** в древнеарабской мифологии – это верховное божество, почитавшееся в Северной и Центральной Аравии как бог-предок и демиург, создатель мира и людей. Он бог Неба, глава и отец богов. Как считают специалисты, само слово «Аллах» является заменой имени божества и образовано от нарицательного «**илах**» – бог. Отсюда происходит древнесемитское верховное божество: **Элу (Илу, Элохим)** – в значении «сильный», «могучий». Как считают, Мухаммад соединил элементы этих доисламских верований с монотеизмом мусульманства.

Вот в какие горные высоты может нас завести сравнительная этимология. Таким образом, само имя албаста может восходить ко времени еще неразделенной на индоевропейскую и семитскую ветвь общности. Такое предположение подтверждается тем, что корень «ал» родственен «илу» в значении «божество» у древних семитов, а корень «басты» – «дух» у индоевропейцев. Слово «**басты**» отчасти существует и у русских, и соответствует лексеме «**бес**», а также у осетин – «**уас**», которое подразумевает примерно то же самое, а именно – беса.

Все меняется в этом мире: некогда божественные персонажи могли потерять свою божественность и перекалвалифицироваться в нечто совсем противоположное. Особенно это явно проявляется у тюркоязычных народов – «желтоволосая дева» у них предстала в образе страшной демоницы. Божество обрело ужасающие черты. Тут и длинные свисающие груди, которые дева, когда быстро бежит, закидывает на плечи. На руках у девы острые когти, которые она вонзает в своих противников. Этот образ присутствует у западносибирских татар. Азербайджанцы представляют себе албасту с птичьей стопой. У казахов и того хуже – у албасты вывороченные ступни и копыта на ногах. Согласно тувинским мифам, у албасты один глаз во лбу, а нос у нее из камня или из красной меди. По представлениям казанских татар, у албасты на спине нет плоти и у нее сзади видны внутренности.

В мифологии тюркоязычных народов явно сквозит неприятие «желтоволосой девы»; ее боятся и ей пугают детей. Однако у турок существует поверье, что можно воткнуть иглу в волосы албасты и это сделает ее покорной и исполняющей любые желания мужчины. А чего хочет мужчина? Сексуального удовлетворения, охотничьей добычи, обогащения. Все это может предоставить покоренная таким образом албаста. Как тут вновь не вспомнить русские сказки, в которых персонажи втыкают булавки в одежду своих избранниц и избранников и это делает их покорными их воле. Усмиренная албаста помогает по дому, безропотно выполняет все приказания хозяина, лечит скот и людей, способствует обогащению. Но не дай бог воткнутой в волосы булавке случайно вылететь. Тогда албаста расквитается с обидчиком по полной программе. Албаста мгновенно закидывает свои длинные отвислые груди на обидчика, и он тут же умирает.

Считается, что разбушевавшуюся албасту сможет усмирить только очень сильный шаман. Он же может прогнать ее от роженицы, дабы она не сотворила чего нехорошего.

Как Василиса Премудрая не перехитрила своего суженого

Богиня, низведенная до роли рабыни, конечно, может вызвать жалость и сострадание. Однако шаманы предупреждают, что ни в коем случае нельзя освобождать албасту, руководствуясь состраданием. Иначе несчастья могут обрушиться на весь род. Такие сюжеты о прикованной цепями в глубоком подвале Василисе Премудрой можно встретить в русских сказках. Однако главный герой Иван-царевич пренебрегает дельными советами бабы-яги, он дает Василисе испить воды, и она, исполнившись неимоверной силы, срывает с себя цепи. Тогда худо приходится Ивану-царевичу. Но все же он хитростью и при помощи своих друзей-оборотней добывается своего и умирляет строптивую волшебницу.

Василиса Премудрая заглядывает в свою магическую книгу и пытается разглядеть, где спрятался от нее Иван-царевич. Она находит его и под облаками, восседающем на летящем орле, и под водой, в желудке огромной щуки. Однако она не может найти его, когда он, превращенный в булавку, воткнут в эту самую магическую книгу, пронирливой мышкой. Иван-царевич выигрывает состязание.

Иван-царевич по уговору берет в жены Василису Премудрую, и она служит ему верой и правдой, как добрая жена доброму мужу. В другой народной сказке Василиса Премудрая помогает Ивану-царевичу обогатиться и успешно поохотиться, добыв знатный трофей – оленя золотые рога. Здесь мы видим у Василисы Премудрой древние функции албасты – богини охоты.

В конце концов, и в образе златокудрой девицы-лебеди можно распознать все тот же знакомый нам образ «желтоволосой девы». А по Пушкину, у нее: во лбу звезда горит, а под косой месяц светит. Это придает девице-лебеди поистине космические черты, а заодно сходство с тувинскими преданиями об албасте и о ее единственном глазе, расположенном во лбу.

Как видим, у русских, как и у иных индоевропейцев, в целом сохранилось более благожелательное отношение к «белокурой бестии» в женском облики.

В связи с мифологемой албасты возникает еще один пикантный вопрос: тюркоязычное население Средней и Малой Азии, а также Южной Сибири и Алтая видят в албасте реальный демонический персонаж, а вовсе не богиню. Отсюда острые когти, копыта, птичья стопа и прочие атрибуты животных. Однако эти зооморфные признаки могут как раз свидетельствовать о том, что у албасты изначально присутствовала функция богини охоты. Албасты может превращаться в различных зверей и птиц, а также в неодушевленные предметы: копну сена, воз, в дерево ель. И все для того, чтобы одурочить, ввести в заблуждение одинокого путника или охотника.

Весьма интересно было бы узнать, зачем албасты превращается то в одно, то в другое, неужели только ли из своей злокозненности? Грузинская богиня охоты Дали загадывает охотнику загадки: если он их отгадает, то может сделаться ее мужем; если нет – погибнет. Дали часто заколдована и превращена в трепетную лань, голубя, змею. Она просит охотника человеческим голосом не губить ее. Охотник соглашается, и за это он бывает щедро награжден – с этого момента Дали начинает помогать ему и исполняет его желания. Дали мудра и прозорлива, она предвидит все коллизии, которые ждут на пути ее суженого.

Нечто похожее мы можем отыскать в русских сказках. Вот, скажем, сказка «Царевна-лягушка», в ней младший сын царя Иван-царевич, выполняя завет своего отца, вместе со старшими братьями стреляет из лука. Уговор таков: на чей двор стрела попадает, ту невесту братья и возьмут замуж. Стрела старшего сына попала на княжеский двор, среднего – на купеческий, а младшего Ивана-царевича – угодила в болото. Приносит стрелу Царевна-

лягушка. На пиру у царя махнула рукой Царевна-лягушка и тот час явились поля и сады, махнула другой – явилось озеро и поплыли по нему белые лебеди. Супруги старших братьев вслед за Царевной-лягушкой махнули руками, да только свекра и свекровь ушибли.

Пока суть да дело, Иван-царевич побегал домой да и бросил в огонь лягушачью кожу. Тут и молвила ему Царевна-лягушка, что заколдовал ее злой волшебник, что коли хочет ее Иван-царевич найти, то придется ему много верст пройти. Сказала так и исчезла.

Вот пошел герой искать свою суженую. Встречается ему щука. Хотел было Иван-царевич ту щуку убить и съесть, а она ему говорит человеческим голосом: «Не убивай меня, я тебе пригожусь». Иван-царевич идет дальше, встречается ему медведь. Только хотел он его убить и съесть, а медведь ему говорит человеческим голосом: «Не убивай меня, я тебе пригожусь!» Идет дальше герой, встречает он соколиху. Хотел было ее убить и съесть. А она говорит ему человеческим голосом: «Не убивай меня, я тебе пригожусь». Идет дальше Иван-царевич и встречает рака. Только хочет его поймать и съесть, а рак говорит ему человеческим голосом: «Не убивай меня, я тебе пригожусь!»

Таким образом, Иван-царевич отказывается от охотничьих трофеев. Он верит в приметы, и будет вознагражден за свою стойкость. В конце концов, он добирается до избушки бабы-яги, которая ему указывает, где за морем лежит волшебный камень (алатырь), а в камне том сидит утка, а в утке – яичко (солнце). Наказывает баба-яга Ивану-царевичу, чтобы он то яичко ей принес. Щука помогла переправиться Ивану-царевичу через море, медведь разбил волшебный камень. Выпорхнула из камня утка, а соколица настигла ее и задрала. Выпало из утки яичко и упало в воду. Тут вылез на берег рак и принес Ивану-царевичу яичко.

Очевидно, эти звери, помогающие герою добыть яичко, были не простыми, а волшебными. Быть может, сама Василиса Премудрая обращалась в этих зверей, помогая своему суженому.

Принес волшебное яичко Иван-царевич бабе-яге. Она приготовила из яичка лепешку (символ солнца), тут и Царевна-лягушка прилетела. С порога она кричит своей матери: «Что-то русским духом здесь пахнет, кабы появился здесь Иван-царевич, так я бы его вмиг загрызла». Баба-яга же отвечает: «Ты, доченька, по святой Руси летала, вот русского духа и нахваталась!» – а сама Ивана-царевича под лавку спрятала. «Садись, дочка, закуси лепешечкой», – говорит баба-яга дочери. Вошла в избушку Царевна-лягушка, села за стол, съела лепешку и тут же и говорит: «Ах, как я соскучилась по моему милему, Ивану-царевичу, как бы он появился здесь, то я бы с ним этой крошечкой поделилась». Тут велела баба-яга выйти из-под лавки Ивану-царевичу. Подхватила его Царевна-лягушка под крылышко и унесла в тридевятое царство жить.

Мы видим метаморфозу, которая произошла с Царевной-лягушкой. Она была готова разорвать Ивана-царевича, а отведав волшебной лепешки, вспылала к нему любовью. Здесь, как мы видим, присутствует разное отношение Царевны-лягушки к своему суженому. Прослеживается также связь Царевны-лягушки с небесным огнем, с солнечным камнем алатырем. Царевна-лягушка в былые времена могла являться олицетворением водной стихии, что сближает этот персонаж русской сказки с албастой, которая также связана с водой. Кроме того, албаста, как и грузинская богиня охоты Дали, постоянно загадывает загадки охотнику, превращаясь то в одно, то в другое.

В русской народной сказке, которая называется «Царевна, разрешающая загадки», загадки загадывает не царевна, как можно было предполагать, а ее будущий избранник. Царевна разгадывает загадки, подсылая к Ивану-дураку свою служанку, которая выведывает у него ответы. Меж тем загадки касаются разных животных, что также указывает на изначальную охотничью магию. Последняя загадка как раз была о той служанке царевны, которая все время выводывала у Ивана-дурака правильные разгадки. Правильный ответ постесня-

лась перед всеми говорить царевна. Так как это выдало бы ее. Пришлось ей замуж за Ивана-дурака пойти, на это и расчет у дурака, который вовсе не дураком оказался.

Таким образом, в русских сказках мы видим, как соединяются демонические и божественные черты в образе Василисы Премудрой. Вряд ли это можно трактовать как последующую трансформацию образа древнерусской богини. Скорее всего, изначально в ее образе присутствовала некая хтоническая сила, которую требовалось как-то усмирить, преодолеть.

Здесь можно вспомнить примечательный образ из малорусских сказок, когда солдат встречает златокудрую девицу и говорит ей: «Хороша девица, только, жалко, не объезжена». А та ему в тон отвечает, что неизвестно еще кто кого объездит. Пришел солдат в родное село на побывку, а там его столетний дед был еще живой. Спрашивает солдат деда: «Так, мол, и так; повстречал я девицу, а она мне такие странные слова говорит, словно загадку загадала, что это значит, дедушка?» А дед ему отвечает: «Плохо твое дело внучек. Придет златокудрая девица к тебе в полночь и скажет: „Тру, стой, ты мой конь“. И вмиг ты в коня обратишься по ее слову. Оседлает она тебя и будет всю ночь над землей на тебе летать, покуда не убьет вовсе». «Что же мне делать, дедушка?» – спрашивает солдат. «А вот что: встань в полночь за дверью в избе, как увидишь, девица та с распущенными золотыми волосами к тебе зайдет, ты ей и скажи: „Тпру, стой, ты моя кобыла!“ Она вмиг в кобылу обратится». Ты на нее вскочи сразу и знай себе пришпоривай. Понесет она тебя высоко над землей. Ты же крепко держись, не отпуская поводьев. Под утро она устанет и тогда запросит у тебя пощады. Вот тут ты ей и скажи, что замуж ее возьмешь. Пусть она слово тебе даст...»

Эта сказка существует в разных вариантах. В том числе и в таком, когда солдат убивает кобылу-девицу, а она начинает ему мстить после смерти, и все это выливается в гоголевский сюжет «Вия» с отпеванием покойницы в церкви в течение трех ночей. То есть девица эта – ведьма. И ее мало убить, еще нужно справиться с ее чарами после смерти. Здесь мы видим отголоски языческого бессмертия царицы. Однако такая сюжетная линия, скорее всего, более поздняя, и она формируется под воздействием христианства, с его резким неприятием колдовства. Сам же женский персонаж, исполненный магической силы, вероятно, восходит к древним языческим временам. В нем можно угадать все тот же древний образ богини охоты, превращающейся в разных животных по своему желанию. В разных зверей может она превратить и своего неудачливого жениха.

В авторской сказке Ершова «Конек-горбунок» Иван, оседлав кобылицу, не отпускает ее до тех пор, пока она не предлагает ему выкуп за себя – конька-горбунка, который будет служить Ивану верой и правдой.

Как «благородная» царица-волчица породила тюрков

Таким образом, Василиса Премудрая вовсе не является «благой во всех отношениях». Связь с ней таит опасность для мужчины, и даже может привести к смерти. Для мужчины-охотника это своего рода инициация. Он должен быть достоин богини, должен выдерживать все испытания, только тогда он может претендовать на ее руку и сердце. Приняв облик крылатого чудовища, Василиса Премудрая хочет разорвать Ивана-царевича, но, отведав приготовленной на волшебном яйце лепешки, смиряет свой нрав и делается кроткой, как голубка. Она берет под крылышко Ивана-царевича и уносит его к себе в тридевятое царство жить. Кроме того, не следует забывать, что ее мать не кто-нибудь, а баба-яга, которая, однако, решает помочь будущему зятю вновь завоевать расположение своей дочери.

С образом Василисы Премудрой сближается образ древнегреческой богини любви Афродиты. Как известно, эта богиня родилась из крови оскотенного Кроном Урана, которая попала в море и образовала пену. Миф о рождении Афродиты подтверждает ее связь с первичными хтоническими силами. Нечто похожее мы встречаем и в образе Василисы Прекрасной. Она прикована цепями в глубоком подвале и, испив воды, рвет цепи и вырывается наружу подобно Кощею Бессмертному или сказочному дракону.

Афродита, как и восточные богини плодородия: финикийская Астарта, вавилоно-ассирийская Иштар и египетская Исида, – появляется в сопровождении диких зверей. Она сама может превратить в зверя своего неудачного поклонника и заставить в таком облике следовать за собой. Василиса Премудрая также выступает как повелительница зверей.

Геродот сообщает о почитании Афродиты Урании в Сирии, Персии, у арабов, а также у скифов. То, что почитание Афродиты было зафиксировано у скифов, проливает свет на происхождение похожего персонажа и у тюрков, которые длительное время контактировали со скифами.

В мифологии древних тюрков существовал персонаж, олицетворяющий женское начало, – богиня плодородия Умай. По всей видимости, именно ее албанский епископ Исраэль (VII век н. э.) именует Афродитой. В древнеуйгурских текстах X века н. э. она называется «благодетельной Умай-царицей». Умай покровительствует тюркам и наказывает согрешивших.

В связи с этой мифологемой «царицы-благодетельницы» весьма интересен древний миф о происхождении племени тюрков. Этот миф записан китайскими летописцами со слов тюрков в VI веке н. э. Предки тюрков, высокие, статные люди, жили на окраине большого болота. Однако на них неожиданно напали враги. Все воины доблестного племени, а также женщины и дети, неутомимо сражавшиеся вместе с мужчинами, пали в неравной борьбе. Чудом удалось спастись одному израненному десятилетнему мальчику – враги отрубили ему ноги. Однако мальчик не погиб, его выкормила своим молоком одинокая волчица. Когда мальчик вырос, волчица стала его женой. Однако враги вскоре обнаружили и убили юношу. Волчица, оставшись одна, бежит от врагов в горы, севернее Гаочана, где прячется в пещере и рождает десятерых сыновей, которых выкармливает как своих детей. Встав взрослыми, сыновья женятся на женщинах из племени, обитающего у подножья гор Гаочана – имеются в виду горы Восточного Тянь-Шаня, примыкающие с севера к Таримской котловине. Каждый из сыновей волчицы основывает свой род. Имя одного из сыновей Ашины. Впоследствии он выводит свой род из пещеры и расселяет его на Алтае, где это племя стало называться тюрк.

Похожий миф записан о происхождении племени кыргызов. Миф о происхождении царского племени уйгуров и яглакар называет в качестве родоначальника волка и хуннскую (гуннскую) царицу.

Нужно сказать, что в предгорьях Тянь-Шаня китайские археологи обнаружили так называемые таримские мумии. Эти люди имели европеоидную внешность. Находка мумий европеоидов на северо-западе Китая в свое время стала настоящей сенсацией. С 1970 года археологи обнаружили уже сотни прекрасно сохранившихся мумий. Сухой климат этих мест и песок не позволили тканям разложиться. Эти люди похоронены в просторных тонких рубашках, на них вязаные штаны и юбки. Узор тканей имеет геометрические мотивы, сходные с северным стилем у европеоидов. У многих мумий продолговатые лица, рыжие и светло-русые волосы, глубоко посаженные глаза и выступающие носы. Принадлежность их к европеоидам не вызывает сомнений. Предполагают, что это могли быть тохары, скифы или сарматы. Возраст мумий разный. Они датируются с XVII века до н. э. по II век н. э. Никто раньше и не предполагал, что племена европейцев могли проникать так далеко на юг.

Быть может, люди из таримской котловины явились прародителями тюрок, алтайцев, кыргызов и уйгуров? Начало смешения европеоидов и монголоидов в евразийских степях достаточно точно датируется серединой 1-го тысячелетия до н. э. Начиная с этого момента, можно провести линию преемственности до современных групп южносибирского расового типа. Этот тип составляет основу южносибирской малой расы, которая широко распространена среди киргизов, казахов, уйгуров и иных народностей, проживающих в горных районах Тянь-Шаня и Алтае-Саянах.

Таким образом, мы можем предполагать, что под личиной одинокой волчицы скрывается богиня-покровительница племени, принявшая ее облик. Именно богиня спасла израненного мальчика и зачала от него сыновей. Она же, преследуемая врагами, скрывается в предгорьях Восточного Тянь-Шаня. Сыновья, став взрослыми, берут себе в жены местных девушек и основывают свои роды. Уйгуры ведут свою родословную от хуннской царицы. Таким образом, можно предположить, что южносибирский антропологический тип имеет смешанное происхождение, что, в общем-то, и подтверждается данными антропологии. Южносибирская малая раса, по солидарному мнению антропологов, принадлежит к так называемой переходной расе. С одной стороны предками южносибирского антропологического типа являются европеоиды-кочевники, скифского времени, обитавшие в 1-м тысячелетии до н. э. в степном поясе Евразии, с другой стороны местные монголоидные племена. Очевидно, поучаствовали в создании новых народов и племена гуннов, ядро племенного союза которых состояло из монголов.

Светловолосая богиня, превратившаяся в волчицу, дает продолжение новым родам тюрок. Как не парадоксально, но функция «царицы-благотельницы» здесь проявлена в полной мере как функция богини плодородия, дарующая жизнь новым народам.

Надо отметить, что у скифов, сарматов, тохаров, обитавших в евразийских степях в 1-м тысячелетии до н. э., был в особом почете так называемый звериный стиль. На орнаментальных бляхах из серебра, золота и бронзы, прикрывающих воина и коня от стрел и копий, можно видеть изображения дерущихся зверей: пантер, грифонов, волков, орлов, косуль, быков и т. д. Некоторые специалисты считают, что в облике дерущихся зверей представлены боги и богини, принявшие зооморфный облик. Оборотничество вообще характерная черта многих мифологий. Так, древнеегипетские боги Ра, Гор и другие последовательно превращаются в разных зверей и птиц, в зависимости от целей и задач, которые они ставят перед собой. А герой кетского мифа – разоритель орлиных гнезд, – спасаясь от преследователей, последовательно превращается в горностая, трехногого коня, оленя. Также боги и герои, наделенные сверхспособностями, могут обращаться по своему желанию в неодушевленные предметы. Эти разнообразные метаморфозы мы видим и в русских сказках. Однако, с другой

стороны, можно связать изображения зверей и птиц, а также неодушевленных магических предметов с магией охоты. Этим еще раз подчеркивается связь метаморфоз как таковых с охотничьим ремеслом и богиней охоты.

Очевидны мифологические параллели между мифом о происхождении тюрок и италийской легендой о двух братьях Реме и Ромуле, вскормленных капитолийской волчицей и основавших «вечный город» Рим. Согласно легенде близнецов, брошенных по приказанию Амулия в Тибр, вынесло на берег под смоковницей, посвященной Румине – богине вскармливания новорожденных. Там их охраняла и кормила волчица. В образе Румины мы можем отметить некоторые сходные черты, сближающие этот образ со среднеазиатской албастой. Однако албаста в отличие от Румины выкрадывает младенцев и топит их в реке. Однако эта функция могла быть переосмыслена с точностью да наоборот. У албасты, некогда богини, появились когти и жуткие замашки. Вместо того, чтобы помогать выкармливать брошенных детей, она сама стала неожиданно их выкрадывать и губить. Но, думается, эти функции являются уже предметом последующего искажения изначально благого образа.

Василиса, Золотая Коса, Непокрытая Краса

В русской сказке «О Василисе, Золотой Косе, Непокрытой Красе, и Иване-Горохе» мы встречаем в образе Василисы персонаж близкий к албасте. В сказке прямо указывается на светозарность Василисы: «Волосы ее густые, златошелковые, непокрытые ничем, в косу связанные, спадали до пят, и царевну Василису стали люди величать: золотая коса, непокрытая краса». Словосочетание «непокрытая краса» можно трактовать двояко – в прямом и переносном смысле: непокрытая платком, а также обнаженная – лучезарная и как свидетельство девственности.

Свидетельством светозарности царицы является не только ее Золотые локоны, но и элементы биографии. В сказке говорится, что родилась Василиса в светлом дворце у царя Светозара и что были у нее два брата. Здесь наверняка содержится намек на балтийско-славянский миф о дочери солнца и ее двух братьях, которые по очереди катали свою сестру в яблонево́й лодке по Небу.

Двадцать лет жила царица в светлом тереме. Царь и царица берегли свою дочь. Но стало ей скучно, и отпросилась она у папеньки и маменьки по саду погулять: «Я еще свету божьего не видела». Отворились ворота тесовые, и очутилась царевна впервые в жизни на зеленом лугу. Тут, как назло, вихрь налетел ниоткуда, подхватил царицу в миг и унес неведомо куда.

Погоревали царь с царицей, а молодые королевичи братья испросили у родителей благословение сестрицу свою пойти искать. Отпустили их царь с царицей с миром.

Добрались братья до неведомой земли и увидели там дворец золотой на столбе серебряном крутится. Дождались братья, когда дворец к ним передом повернулся, и вошли в палаты золотые. Это был дворец змея лютого. Встретила их в горнице сестрица родимая – Василиса, Золотая Коса, Непокрытая Краса. Говорит она братьям: «Как рада я вас видеть, родимых; но сейчас сюда змей прилетит, прячьтесь скорей, дворец уж на столбе серебряном повертывается». Братья говорят: «Не станем мы прятаться, будем со змеем сражаться». Только вымолвить это успели, как в окно змей лютый влетел. Подхватил он одного брата на одно крыло, другого – на другое, да и стукнул их со всей своей змеиной силой друг о друга. Из них и душа вон вылетела. Бросил он мертвых царевичей в глубокий ров.

Меж тем мать царевны, Золотой Косы, Непокрытой Красы, горевала, горевала – нет вестей от сыновей – как в воду канули. День жаркий был, захотелось ей пить, пошла она в сад, зачерпнула ковшиком водицу из колодезя беломраморного да и не заметила сама, как в ковшик горошина попала. Проглотила мать Василисы горошину вместе с водицей. Разбухла горошинка; отяжелела царица да и вскорости родила сына. Дали ему имя Иван-Горох, такой он гладенький и кругленький был.

Растет Иван-Горох не по дням, а по часам, прыгает, катается, а силы у него, как у десяти могучих богатырей, стало. Вот говорит как-то Иван-Горох царю и царице: «Отпустите меня, батюшка и матушка, братьев и сестрицу искать». Говорят ему те: «Что ты, зеленый еще!» – «В самый раз, по дороге дозрею!» Отпустили его родители.

Иван-Горох выкатился в чисто поле и быстро-быстро поехал туда, куда солнце катилось. Добрался Иван-горох до Лисьей горы, а под ней кузня. Велел он кузнецу посох изготовить богатырский. Три дня стучал кузнец молотом в кузне. Посох такой тяжелый вышел, что его кузнец вытащить на свет белый не в силах оказался. Тут Иван-Горох сам посох из кузни достал, да как его сразу на Небо забросит. Три дня посох по Небу летал, народ весь в страхе разбежался – как посох назад полетит, так палаты пробьет, насмерть ушибет, а если в море попадет, то все море расплескает, а если на землю падет, то землю насквозь пробьет. Вот через три дня шум и рев послышался великий. Прибегает народ к Ивану-Гороху: «Посох

назад летит». Вышел Иван-Горох в поле чистое да и одной рукой тот посох подхватил, даже не содрогнулся. Лишь посох на его руке согнулся. Выправил Иван-Горох посох о свое колено и сказал: «Знатный посох кузнец мне сделал».

Тут шум превеликий раздался – то змей лютый в свой дворец золотой летит. Метнул в него посох Иван-Горох и на куски разорвал, а посох землю пробил и через два в третье царство ушел. Народ шапки вверх побросал – избавил Иван-Горох его от змея лютого. Освободил богатырь свою сестрицу Василису; взял из погреба змеиной воды и на братьев побрызгал, что во рве глубоком лежали – братья вмиг ожили.

Просит народ Ивана-Гороха на царство, но тот отказывается, вывел кузнеца из кузни и говорит народу: «Вот ваш царь, слушайте его, это он мне посох сковал». Отправились Иван-Горох с Василисой, Золотой Косой, Непокрытой Красой, и двумя братьями восвояси – к своим родителям: батюшке-царю Светозару и матушке-царице в их светлый терем.

В этой русской сказке мы видим сюжеты, связанные с солнцем. Василиса, Золотая Коса, Непокрытая Краса, выступает здесь как дочь бога солнца. Однако ее похитил вихрь, коварный лютый змей. Двух братьев змей этот с легкостью убил. А вот специально рожденного на его погибель Ивана-Гороха одолеть не сумел. Кругленький Иван-Горох, рожденный в результате непорочного зачатия, является символом нового солнца. Он метнул в змея свой посох, скованный кузнецом, и вмиг убил. Посох землю пробил и где-то в мире мертвых застрял. В этом посохе можно угадать булаву громовержца Перуна, преследующего змея Велеса.

Мотивы этой русской сказки весьма древние: это индоевропейские мифы о борьбе громовержца и его заклятого противника – змея. Аналогичные мотивы мы встречаем в древнеиндийских мифах о борьбе громовержца Индры и змея Вритры.

Сказочный золотой дворец лютого змея отождествляется с хорами Огненного змея из славянских преданий. Огненный змей выступает в них как похититель светозарной девицы. Сам этот вращающийся на серебряном шесте дворец, вероятно, стал золотым, потому что в нем оказалась похищенная Василиса, Золотая Коса.

Мотивы русской сказки отчасти напоминают предания, известные из Авесты – священной книги зароастрийцев (VIII век до н. э.). В них рассказывается о прекрасной стране Арй-ана Вэджа, что переводится с авестийского буквально как «арийский простор». Эта страна впервые упоминается в книге «Видевдат». Родина древних иранцев располагалась у прекрасной реки **Даитья**, что, очевидно, переводится как «дарующая». Некоторые специалисты отождествляют эту реку с Араксом, другие – с Сырдарьей, третьи – с Волгой, четвертые – с Днепром. Мнений о том, где же располагалась прародина ариев, много. В Авесте упоминается страна ариев, на которую внезапно напал змей рыжеватый. Кто этот змей, тоже мнений предостаточно. Некоторые считают, что под метафорой «змея рыжеватого» скрываются воинственные племена, вынудившие предков арийцев в начале 2-го тысячелетия до н. э. отправиться в свой исторический поход на юг – в Иран и далее в Индию.

Кроме того, в Авесте описывается природная катастрофа – резкое похолодание, живописуется, как лед сковал воду, как выпал снег глубиной 14 пальцев. Кроме похолодания на страну внезапно пала ночь. Солнце скрылось из глаз. Считается, что эта природная катастрофа вынудила предков ариев сдвинуться с насиженных мест и предпринять беспрецедентный поход на юг, а также в Европу. При этом некогда единая индоевропейская общность народов разделилась на тех, кто впоследствии укоренится в Европе и образует современные европейские народы: германцев, италиков, славян и др., а также на тех, кто в поиске лучшей доли отправится на юг и оседет в Иране и Индии.

«Когда небо давило, а земля разверзалась», арии отправились на юг

Мотивы исчезновения солнца известны не только в индоевропейской мифологии, но и в других мифологиях. Так, в мифологии древних орхонских тюрок запечатлен миф о космической катастрофе: «Когда небо сверху давило, а земля внизу разверзалась». Этот вариант мифа изложен более подробно в «книге Гаданий». В частности, там говорится: «Наверху была мгла, внизу был прах, люди, звери и птицы сбились с пути». Это состояние длилось три года и прекратилось «по милости неба».

В саамской мифологии, близкой к финской, говорится о времени борьбы стихий, которая началась после того, как солнце Пейве сватал к своему сыну дочь луны, но получил отказ. Тогда началась война; на стороне солнца выступают люди, земля и горы, а также домашние животные, олени и птицы, а на стороне луны выступают: вода, ночь, тень, загробный мир с ожившими покойниками, всполохи северного сияния, а также хищные дикие звери. От солнца Пейве зависит благополучие людей и исход битвы. Пейве выступает в поход, оседлав медведя, потом оленя-самца, а затем важенку – молодую олениху.

Согласно обско-угорской мифологии, народов ханты и манси злой дух Куль-Отыр, воспользовавшись сном прародителя богов Корс-Торума, нападает на него и начинает таскать его по земле и пытается утопить в воде. При этом возникли холмы, долины, ямы, кочки и болота. Однако Корс-Торум вовремя просыпается и схватив свой посох, дает надлежащий отпор вероломному врагу. Куль-Отыр бежит в свой подземный мир через отверстие, образовавшееся в земле от пробившего ее посоха Корс-Торума.

Здесь мы видим довольно-таки ощутимую параллель между русской сказкой и финно-угорским мифом ханты и манси. По мансийскому мифу, землю первоначально заселяли богатыри Отыры, но Корс-Торум (Нуми Торум) разгневался на них и послал на землю сначала пожар, а потом потоп. В результате непослушные богатыри были уничтожены.

Весьма интересно, что имя финно-угорского божества **Корс-Торума** напоминает по своему звучанию имя славянского бога Солнца **Хорса**. Хорс, как и громовержец Перун, считался повелителем молний. Славяне часто представляли его в виде светоносного всадника, скачущего по небу на белом коне. Чем не Иван-Горх, «катающийся по небу», из более поздней народной сказки? Кроме того, финно-угорское **Корс** напоминает слово «**коршун**». Эта хищная птица считалась олицетворением солнца.

Мифологические представления финно-угорских народов весьма древние. Они восходят к их общности, которая возникла в 3–2-м тысячелетии до н. э. Считается, что древние финно-угры расселились к 1-му тысячелетию до н. э. из Приуралья и Поволжья до Прибалтики (финны, карелы, эстонцы и др.) и Северной Скандинавии (саамы). Они также заняли лесную полосу Восточной Европы – это известные по русским летописям племена мери, муромы, чудь и др. Они также достигли Средней Европы – миграция венгров в IX веке н. э.

У финно-угров и индоевропейцев прослеживается много общего в мифологии и обрядах. Это позволяет предположить, что в былые времена индоевропейцы и предки финно-угров находились в непосредственном контакте.

Согласно распространенному мнению, основу антропологического типа манси, хантов, селькупов, некоторых поволжских народов, а также народов Алтае-Саянского нагорья составляет так называемая уральская раса. Эта раса локализована в Приуралье, Зауралье и частично в Западной Сибири. Уральская раса имеет заметное сходство с лаплоидной расой, но представители уральской расы несколько выше ростом и выглядят более монголоидно. Лица у представителей этой расы небольшие, широкие, низкие и умеренно уплощенные.

Второе веко (эпикантус), которое заметно отличает монголоидов от европеоидов, встречается в 10–20 % случаев. Нос прямой или с вогнутой спинкой, кончик бывает приподнят, переносье средней высоты. Губы средней величины. Волосы обычно темных оттенков и темно-русые, прямые. Эта раса возникла в результате смешения европеоидных и монголоидных групп населения в древности: в мезолите-неолите. Этой расе по крайней мере 5 тыс. лет, если не больше. В отличие от южносибирской расы, составляющей основу тюркоязычного населения, уральская переходная раса намного древнее.

Можно предположить, что древние европеоиды, обитавшие в поясе евразийских степей еще 7 тыс. лет назад, контактировали с местным монголоидным населением. В результате этих контактов и появилась уральская переходная раса.

О том, что европеоиды могли обитать в самом центре Евразии в столь далекие времена, свидетельствуют древние петроглифы, изображения колесниц и лучников, которые выбиты на скалах нашего и Гобийского Алтая в Монголии. Эти изображения в свое время описал академик Окладников. Кроме того, в могилах найдены останки колес с бронзовыми гвоздями. На Ангаре обнаружено масса древних захоронений, относящихся к мезолиту.

Под Уфой, на стоянке Давлеканово, было раскопано захоронение. М. М. Герасимов сделал реконструкцию лица по черепу, найденному здесь. Оказалось, что древний житель этих мест, как не парадоксально, имел внешность, похожую на североамериканского индейца. Как известно, индейцы из Дакоты имели выступающие орлиные носы и являлись не вполне монголоидами, у них можно обнаружить значительную европейскую примесь. Не исключено, что предки индейцев, воспользовавшись сухопутным перешейком Беренгией, попали в свое время в Северную Америку из Сибири.

Кроме того, на Урале обнаружены микролиты, которые, как считают, использовали в своем быту древние европеоиды. На стоянке Янгельска, близ Челябинска, были найдены микролиты из яшмы. Древностью около 10-ти тыс. лет. На стоянке Шикаевка, под Курганом, орудиями, снабженными лезвиями из микролитов, древние европеоиды разделяли туши мамонтов. Последние мамонты тоже вымерли здесь около 10-ти тыс. лет назад. На Урале найдены и статуэтки из глины, подобные тем, которые изготавливали жители Передней Азии.

На стоянках Давлеканово и Мулино были найдены глиняные горшки и целые сосуды, а также кости домашних животных: коз, овец, коров и даже лошадей.

Кости домашнего коня датируются рубежом 7–6 тысячелетия до н. э. (более 8-ми тыс. лет назад). Археологи давно ищут место, где впервые был одомашнен конь. Считалось, что более древним местом, где найдены останки домашней лошади, является стоянка Дериевка на территории современной Украины. Однако, как выяснилось, останки домашнего коня стоянок из Муллино и Давлеканово на Урале еще более древние. Причем было выяснено, что порода этих лошадей была именно такая, какую позднее привели арии в Переднюю Азию. Это была крупная лошадь. Таких лошадей разводили в Поволжье и Предуралье еще в XVIII веке. Ныне представителями этой породы являются знаменитые ахалтекинские кони из Туркмении. Очевидно, в Туркмению эти кони также попали из степей Предуралья.

Таким образом, основываясь на этих данных, мы можем предположить, что арии мигрировали на юг: в Иран и Индию из областей Предуралья.

Когда на землю пала тьма и солнце скрылось из глаз, Йима зажег огонь

Арийские племена, очевидно, попали в Иран и Индию не сразу. Сначала они спустились из южнорусских и приуральских степей в оазисы Южного Туркменистана. Именно здесь в междуречье Амурдарьи и Сырдарьи они обитали еще примерно 3,5 тыс. лет назад. Вероятно, к этому времени можно отнести строки из Авесты: «...Наполнилась эта земля мелким и крупным скотом, людьми, собаками, птицами и красными горящими огнями. Не находят себе места мелкий и крупный скот и люди». По воле предводителя ариев Йимы эта земля, приютившая беженцев, несколько раз раздвигалась вширь и вглубь. Она становилась все больше и больше, дабы «...нашли здесь пристанище мелкий и крупный скот и люди по своему желанию и воле, как им хотелось».

Не удивительно, что земля эта наполнилась не только живностью и людьми, искавшей здесь спасение от катастрофы, но и «красными горящими огнями». Ведь в Авесте говорится, что в то время на землю пала ночь: «Из-за этого мрака небо и земля были неразличимы, казались слившимися». Дабы осветить свой быт люди наверняка стали жечь костры, вот и наполнилась земля эта огнями. Наверняка честь возжигания первого огня, способного осветить людям путь из страны мрака, выпала на долю предводителя ариев Йимы.

Об этом времени говорится так: «Вселенная была проглочена, сокрыта мраком... Тьма стояла долго. Солнце и луна не появлялись на небе; на целые месяцы для них были заперты врата».

Согласно Авесте, Ахура-Мазда загодя предупреждает Йиму и говорит ему такие слова: «О Йима прекрасный, сын Вивахванта, на этот плотский мир придут зимы, а от них сильный смертельный холод; сначала тучи снега выпадут на высочайших горах на глубину Ардви. Только третья часть скота останется в живых, о Йима, в ужасных местах, которые расположены на вершинах гор или в долинах в крепких жилищах... Затем из-за таяния снегов потекут воды, и чудом, о Йима, окажется, если кто увидит где-нибудь след овцы».

В священной книге зороастрийцев «Бундахишне» говорится о причинах таких катаклизмов: «Злой дух со своими верными дэвами отправился к светилам, увидел небо и из злобных побуждений совершил нападение на них... Он набросился на все создания и сделал мир таким поврежденным и мрачным, что полдень стал подобен ночи».

Таким образом, мы видим, что солнце исчезло с неба и на мир пала тьма.

В мифологиях разных древних народов сохранились предания об этом событии. К примеру, в хеттских преданиях говорится о том, что бог моря Аруна, поссорившись с людьми, увел к себе бога солнца. Благодаря чему на землю пала продолжительная ночь. Люди молят богов, чтобы они вернули солнце на небосклон. Бог грозы, услышав молитвы людей, посылает к Аруне бога плодородия Телепинуса. Телепинус – вооруженный воин, преисполнившись выполнить свое предназначение любой ценой, спускается под воду и находит там двоюродного брата Аруна. Морской бог, испугавшись одного вида вторгшегося в его владения Телепинуса, тут же отдает ему бога солнца и свою дочь в жены.

В этом древнем хеттском мифе мы можем без труда уловить сюжетную канву, сходную с русской былиной о Садко. Садко также спускается под воду и своей игрой на гусельках так «пронимает» Морского царя, что тот отдает ему в жены свою дочь. Не исключено, что и русская былина в своей сюжетной линии восходит к древним реальным событиям – исчезновению с небосклона солнца.

Весьма любопытно, что в ведийской и индуисткой мифологиях Аруна – это божество рассвета, а не бог моря, как у хеттов. Слово «Аруна» у индусов означает «красноватый».

Аруна является колесничим солнца, пребывающего на Востоке. В «Махабхарате» описывается родословная Аруны. Его мать Вината (уж не связано ли ее имя с русскими словами: вина, виновата?) в нетерпении разбивает снесенное ей яйцо, где находится лишь наполовину развившийся Аруна. За что Аруна проклинает ее за свое уродство и предсказывает ей рабство в стране тьмы. Эта сюжетная линия отчасти перекликается с русской сказкой об Иване-Горохе. В ней «мать солнца» случайно проглатывает вместе с колодезной водицей горошину, тут же тяжелеет и до срока избавляется от бремени. Рожденный ею в результате непорочного зачатия Иван-Горох является символом обновленного солнца, который побеждает дракона тьмы – змея лютого – и освобождает из плена свою сестрицу Василису, Золотую Косу.

Русская народная сказка «О Василисе, Золотой Косе, Непокрытой Красе, и Иване-Горохе» была записана в XIX веке. Очень возможно, что сюжет этой сказки восходит к более древним преданиям. Так в финно-угорских преданиях и мифологии коми сохранились сюжеты о поклонении огню, солнцу, воде, а также идолу – «Золотая баба». Не исключено, что древние предания о «Золотой бабе» явились некоторой основой для русских сказок, в которых рассказывается о похищении дочери Солнца.

Как Йама стал Йимой-драконом и от него будто бы отлетел хварно

Весьма любопытные этимологические параллели бывают. Так, у древних финно-угорских народов существовало верховное божество Неба и воздуха Йима. Как мы помним, в Авесте рассказывается о том, что предков иранских ариев вывел из страны мрака именно предводитель Йима. Вероятно, к образу прафинно-угорского божества восходят имена богов: финский и карельский Ильмаринен, саамский – Инмар, коми – Ен и Йомаль, финский – Юмала, эстонский – Юммал, саамский – Юбмел, марийский – Юмо.

Весьма интересно, что в древнеиранской мифологии существовало божество Йама. Он выступает как первопредок людей, культурный герой и создатель благ цивилизации. Йама являлся владыкой мира в эпоху тысячелетнего Золотого века. При нем на земле царило бессмертие, не было старости, пороков, болезней, войн. Этимологически его имя толкуется как «близнец», «двойник». Согласно мифу, Йама был распилен пополам рукой собственного брата Спитьюры, околдованным злым духом. Образ Йамы восходит к индоиранской и индоевропейской общности, а также к архаическим мифам о двух братьях близнецах, сыновьях солнца. Йама, согласно мифологеме, первым возжег в Хорезме сакральный огонь жречества. В ведийской мифологии Йама тождественен Яме, который первым принес огонь людям и осуществил цивилизаторскую функцию. В скандинавской мифологии Йама тождественен первопредку Имиру, в балтийской мифологии – Юмису. У латышей полевое божество Юмис означает «сдвоенный плод», что также свидетельствует о близнецовой природе этого божества.

У древних иранцев отцом Йамы был Вивахвант – воплощение солнца. Да и сам Йама сохранил в своем облике черты солярного героя. На индоиранском уровне Йама выступает как хозяин двуногих и четвероногих. Он же является первым смертным. Быть может, именно поэтому индусы изображают Яму хозяином подземного мира – царем мертвых.

На иранском мифологическом уровне с образом Йимы произошли неприятные метаморфозы. У него отняли ареол идеального владыки Золотого века и гаранта бессмертия. Утрата Золотого века человечества была объявлена Зороастром следствием гордыни и грехопадения Йимы. При этом возник квазиисторический миф, как от Йимы отлетел символ его царственного достоинства – хварно. Хварно, или фарн, обычно трактуется как обозначение солнечного сияющего огня, исходящего от человека, облеченного божьей властью. Над головой человека, облеченного такой властью, сияет нимб, а от его тела исходит сияние.

От Йимы, согласно Зороастру, хварно отлетело в виде сокола Варгана. При этом хварно перешло к самому Зороастру. Пророк мгновенно почувствовал необычайную силу рук и ног, а вокруг него появилось сияние, над головой возник нимб.

Очевидно, Зороастр и его последователи стремились очернить Йиму, божество древнеарийского пантеона, в глазах потомков, потому что на роль нового предводителя иранцев претендовал сам Зороастр. При этом зороастризм пришел на смену древней арийской религии. Многие кумирни были разрушены. А сами статуи кумиров сброшены – их места заняли новые боги. Основой иранской мифологии стала борьба двух взаимоисключающих принципов – добра и зла, правды и лжи, света и мрака. Понятное дело, что никто из последователей Зороастра не желал служить силам мрака, зла и ритуальной скверны. Все добрые силы объединились во главе с Ахурамаздой (отсюда название иранской религии – маздеизм). Ахурамазде противостояли злые духи, девы и монстры во главе с Ангро-Майнью. Они принесли в сотворенный Ахурамаздой мир прегрешения, болезни и смерть. Они всеми силами стремились уничтожить добро.

Таким образом, на смену древнейшему мифу о двух демиургах-близнецах приходит религиозно-этическое учение о добре и зле, которое в дальнейшем переключалось в религии, исповедующие единобожие: иудаизм, христианство и мусульманство.

Весьма интересно, что в иранской мифологии говорится о священной горе Йемавенд (гора Йимы), а по новой этимологии это гора Демавенд (возможно отсюда происходит и русское слово «демон»). Согласно древнему преданию в «горе Йимы», в кратере огнедышащего вулкана, по сей день прикован побежденный Траэтаоной (третьим сыном – драконоборцем) дракон Ажи-Дахака. Дракон Ажи-Дахака, или просто Ажай, – это противник единого бога. Он рисовался древним иранцам в виде трехглавого чудовищного дракона. Он, согласно мифам, является соперником бога огня Атара, с которым сражался за символ царского суверенитета, царской власти и светозарности – хварно... Получается, что светозарность – хварно, или фарн, только одна на двоих, а за право ее обладания надо бороться истинному богу и дракону.

Этот дракон, прикованный к скале, согласно уже армянским источникам, является свергнутым царем и имеет антропоморфные черты. В нем, вероятно, даже можно угадать черты отвергнутого Зороастром и низвергнутого в подземный мир Йимы. В Мидии и Кабуле в былые времена сохранялось почитание Ажи-Дахака. Местные правители возводили к нему свои родословные и рассказывали легенды о службе своих предков при дворе этого царя. Не исключено, что в Мидии и Кабуле почитался в таком виде отвергнутый Зороастром Йима – предводитель ариев. Вот что можно сделать с отвергнутым братом-близнецом, низведенным к тому же до уровня царя мертвых.

Согласно иранской космогонии, дракон Ажи вырвется на поверхность из своего огнедышащего подземелья незадолго до конца света. Тогда он будет окончательно умерщвлен появившимся специально для этой высокой миссии драконоборцем Керсаспой. Здесь мы видим мифологему второго пришествия Зороастра или его сына, как об этом свидетельствует Авеста, дабы окончательно уничтожить вселенское зло, представленное в облике дракона.

Между тем в древнеиранской мифологии дракон Ажи – это легендарный царь, приведший своих воинов на территорию Ирана и захвативший власть. Не исключено, что именем Ажи автохтонное население Ирана называло Йиму и его воинов, вторгшихся в начале 2-го тысячелетия до н. э. на территорию Ирана. Очень может быть, что в образе дракона Ажи мы можем видеть умирающего и постоянно воскрешающего бога плодородия древних ариев. Быть может, даже этимология имени Ажи каким-то образом связана с русским словом «оживающий». Знать, не даром в русских сказках, Иван-царевич, сжалившись, поит дракона, Кошечу Бессмертного, водой, и тот рвет цепи и вырывается на свободу. Он похищает светозарную царскую дочь и уносит к себе в замок. Ивану-царевичу поневоле приходится разыскать и убить дракона, дабы освободить свою невесту. Смерть дракона, Кошечу Бессмертного, находится в яйце, которое скрыто у священного дуба. Ивану-царевичу в этом непростом деле помогают реинкарнированные звери. Здесь же мы видим знакомые нам сюжеты об освобождении дочери солнца и убийстве дракона – лютого змея, унесшего Василису, Золотую Косу, богатырем Иваном-Горохом.

Три огнедышащие головы дракона могли символизировать собой трехсословное арийское общество: воинов, земледельцев и жрецов. Подобное социальное членение имело место у ираноговорящих скифов, обитавших в степях Причерноморья в 1-м тысячелетии до н. э. Как известно, злого дракона победил младший из трех братьев, представитель жреческого сословия; его мы можем отождествить с Иваном-Горохом из русской сказки. Кроме прочего, наверняка под тремя головами огнедышащего дракона имеется в виду три священных огня: жреческий, воинский и огонь земледельцев и скотоводов. Эти три священных огня по пре-

данию горели в зороастрийских храмах. Не исключено, что культ трех огней зороастрийцы восприняли от ариев.

В Авесте сказано, что трехглавый дракон Ажи-Дахака таки пошел на соглашение с новой религией после своего бесславного поражения и совершил жертвоприношения богествам зороастрийского пантеона: Ардвисуре Анахате – божественной деве и Вайю. Вайю – это бог ветра, который отказывался помогать дракону Ажи, но помог его противнику – богатырю.

Ардвисура Анахата, или просто Ардви, – это непорочная могучая дева – богиня воды и плодородия. Ее просят, принося ей жертвы, даровать им силу и могущество знаменитые иранские и туранские богатыри. Но дева удовлетворяет только просьбы иранцев и игнорирует просьбы туранцев. Как известно, Зороастр заклеил туранцев-кочевников, вероломно нападающих на мирных иранцев и угоняющих скот. Ардви является дочерью самого Ахурамазды. Эта божественная дева дарит богу Заратуштру, вероятно зачатого непорочным способом. Кроме прочего, Ардви помогает Траэону-драконоборцу одолеть дракона Аджи-Дахаку. В Авесте Ардви описывается как прекрасная дева, тоскующая по истинному богатырю, который будет постоянно славить ее неувядающую красу.

Здесь также прослеживается сюжет с похищением драконом прекрасной Ардви и с последующим освобождением ее богатырем-драконоборцем. Здесь мы видим множество параллелей с русской сказкой «О Василисе, Золотой Косе, Непокрытой Красе, и Иване-Горохе».

О том, как Брахаспати выудил из моря три сокровища

В индийской «Ригведе» также дается описание катастрофы, когда весь мир погрузился во мрак. В этом собрании древних гимнов излагается миф о громовержце Индре, который вместе с десятью воинами после долгих и безрезультатных поисков таки нашел солнце, пребывающее во мраке. В поэме «О появлении солнца» рассказывается, как бог Брахаспати одолевает демона Валу, который силой удерживал солнце в глубокой пещере в скале. В поэме величественно и торжественно повествуется о том, как доблестный Брахаспати выудил из моря одно за другим три сокровища: утреннюю зарю – прекрасную богиню зари по имени Ушас, а также само солнце и священную корову, которая является метафорой сверкающего Неба. «Пока солнце и луна восходили, следуя друг за другом, на небеса, всеильные боги украсили небо созвездиями, как украшают вороного коня жемчугами. Ночью боги установили мрак, а днем свет». Таким образом, мы видим, что благодаря герою-освободителю все «вернулось на круги своя». И вновь стало солнце по утрам всходить на востоке и заходить по вечерам на западе. И вновь стала опускаться на землю ночь, украшенная звездами.

Как не парадоксально, но некоторый ремейк этого древнеиндийского мифа о похищении солнца и вызволении его из заточения мы можем видеть и в русских сказках. Впрочем, и сами русские народные сказки, записанные этнографами в XIX веке, могут являться своеобразным эхом древнерусских легенд об исчезновении солнца и его возвращении былинным богатырем.

Вот, скажем, в сказке «Жар-птица и Василиса-царевна» можно увидеть похожий сюжет. Вероятно, именно эта народная сказка в свое время была обработана Ершовым и превращена в знаменитую авторскую сказку «Конек-горбунок».

В сказке повествуется о могучем царе, у которого в услужении был стрелец-молодец. Был у стрельца конь богатырский – мудрый конь, разговаривающий человеческим голосом. Вот как-то выехал стрелец-молодец ночью на своем коне богатырском поохотиться. Едет он и видит: впереди будто костер горит. Подъезжает стрелец ближе, а это не костер, а золотое перо жар-птицы на дороге лежит, как огонь, светится. Говорит конь богатырский стрельцу: «Не бери ты этого золотого пера, возьмешь – много горя узнаешь!» «Как бы не так!» – не послушался стрелец своего коня; взял он перо и царю его в дар преподнес. Говорит ему царь в ответ: «Коли ты сумел перо жар-птицы достать, так привези мне саму жар-птицу. Коли не привезешь – быть тебе без головы!»

Залился стрелец горячими слезами и к коню побрел, голову повесив. Спрашивает его конь: «Что плачешь, добрый молодец?» – «Как мне не плакать, царь повелел привезти ему жар-птицу, а иначе, говорит, мой меч – голова с плеч», – «Говорил я тебе, не бери пера, горе узнаешь. Но не горюй, это не беда, беда впереди, иди к царю и проси у него, чтобы к завтраму сто кулей белоярой пшеницы по полю было разбросано».

Так и сделал стрелец, пошел он к царю, и по царскому указу по полю разбросали сто кулей белоярой пшеницы. Вот поехал стрелец в поле, отпустил коня, а сам за куст спрятался. В полночь прилетела жар-птица и давай зерно клевать. Тут изловчился молодец и схватил ее за хвост. Тут и конь подоспел. Связал жар-птицу стрелец и царю отвез. Говорит ему царь: «Молодец, стрелец! Но коли ты сумел достать мне жар-птицу, так сумей достать и царь-девицу – Василису-царевну, что на самом краю света живет, там, где красное солнышко всходит. Коли достанешь мне невесту, награжу златом-серебром, а коли, нет – мой меч – твоя голова с плеч!»

Залился стрелец горючими слезами и пошел к своему богатырскому коню. «Что плачешь?» – спрашивает его конь. «Как же мне не плакать, царь повелел Василису-царевну ему в жены доставить», – «Не тужи, это не беда – беда впереди! Пади к царю и попроси припасов, и напитков в дорогу, и палатку с золотой маковкой». Так и сделал стрелец. Дал царь ему припасов, и напитков, и палатку с золотой маковкой.

Долго или коротко ехал стрелец на своем богатырском коне и приехал на край света, где красное солнышко из синего моря восходит. Смотрит стрелец: по синему морю плывет Василиса-царевна в серебряной лодочке. Поставил стрелец палатку с золотой маковкой на бережку, расставил в ней кушанья и напитки разные, сел в палатке – угощается, Василису-царевну дожидается.

Заприметила царевна золотую маковку, пристала к бережку, тут ее стрелец-молодец встречает: «Добрый день, Василиса-царевна! Милости просим откусать, заморских вин испробовать!»

Вошла Василиса-царевна в палатку; начали они есть-пить, веселится. Выпела царевна заморского вина, опьянела и крепким сном заснула. Тут и конь богатырский подоспел. Свернул стрелец-молодец палатку и быстренько в обратный путь с сонной царевной пустился.

Приезжает он к царю и вручает ему царевну. Тот сильно обрадовался, наградил стрельца златом, серебром, как и было обещано.

Меж тем царевна проснулась в царских покоях, стала плакать, тосковать по синему морю. Царь ее и так и этак уговаривает замуж за него выйти, а она все отнекивается. Вот говорит она царю: «Тот, кто меня сюда привез, пусть поедет на сине море и привезет мое подвенечное платье, что посреди моря, под большим камнем, лежит».

Мигом царь послал за стрельцом. И наказывает ему тот час на море синее отправляться. Подвенечное платье царевны привезти, что под большим камнем лежит.

Идет стрелец к коню своему, плачет. Говорит ему конь: «Не горюй. Это еще не беда, беда впереди!»

Сел стрелец на коня и к синему морю поехал. Вот приехали они к синему морю. Видит конь: на берегу огромный рак ползет. Наступил конь копытом раку на шейку и не отпускает. Взмолился тут рак: «Что хочешь, проси, только отпусти меня с миром». Тут конь и говорит раку: «Принеси мне подвенечное платье Василисы-царевны, что под камнем лежит посреди моря». Пополз рак в море и принес подвенечное платье царицы, что под большим камнем в море было спрятано.

Приезжает стрелец-молодец к царю. Привозит подвенечное платье царевны. А царевна опять заупрямилась: «Не пойду за тебя замуж, пока не прикажешь стрельцу-молодцу в кипятке искупаться». «Это дело поправимое», – отвечает царь девице. Позвал он слуг и велел чугунный котел воды нагреть. Призвал он к себе стрельца и говорит ему: «Ну-ка искупайся в этом котле». Насилу стрелец царя уговорил отпустить его с конем попрощаться. Прибегает стрелец к коню весь заплаканный: «Царь повелел в кипятке искупаться!» «Говорил я тебе: не бери перо жар-птицы, горе узнаешь. Это горе так горе, но не плачь – жив будешь», – заговорил конь стрельца наскоро, дабы тот в кипятке не сварился. Тут и слуги прибежали за стрельцом. Схватили его и к царю повели. Раздели его и кинули в котел с кипящей водой. Стрелец окунулся раз-другой в кипяток и сам из котла таким красавцем выскочил, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Увидел это царь, захотелось ему самому красавцем стать, полез он в котел да и в тот же миг в нем сварился.

Схоронили царя, а Василиса-царевна замуж за стрельца-молодца вышла. Стал стрелец сам царствовать в том царстве.

В этой сказке мы видим все тот же миф о вызволении солнца из заточения. Стрелец-молодец случайно находит оброненное перо жар-птицы, затем поневоле ему приходится добыть и саму жар-птицу. Жар-птица если не символ солнца, то символ сверкающего днев-

ного неба, небесного огня. Затем герой отправляется туда, где солнце восходит, и привозит Василису-царевну – солнцеву дочь. Затем он добывает ее подвенечное платье. После этого злой царь гибнет в кипящем котле, а преображенный герой берет замуж Василису-царевну.

Как тут не вспомнить древнерусский обряд, когда на купальскую ночь кипятили воду и бросали в нее жертвенное животное. По поверьям, в ночь на Ивана Купалу, в день летнего солнцестояния – 22 июня по старому стилю и самый длинный день в году, сочетаются браком сказочный персонаж Иван со своей сестрой Марьей.

Сюжет сказки может восходить к тем отдаленным временам, когда солнце по какой-то причине исчезло с небосвода, а затем вернулось на него через некоторое время. Можно предположить, что солнце возвращалось не сразу, а постепенно.

Богиня-губительница воскрешает своего любовника

Эпизод о гибели царя в кипящем котле и одновременное сказочное преобразование молодца, который сам становился царем, по всей видимости, восходит к отдаленным языческим временам. Как предполагают некоторые исследователи, у русских в купальскую ночь приносили человеческие жертвы, которые позднее были заменены на жертвенных животных. Можно предполагать также, что и у сарматов-аланов, обитавших в Причерноморских степях в конце 1-го тысячелетия до н. э., был в ходу такой обычай, когда престарелого вождя или царя племени убивали и варили в котле. Его мясо использовали во время ритуальной трапезы. Этим мясом почивали вновь избранного царя и царевну. Таким образом, процветал ритуальный каннибализм, культ которого был основан на убеждении, что душа царя реинкарнируется после такой процедуры и возродится в династии нового царя. Похожий обряд был отмечен и у осетин – потомков аланов.

Наши далекие пращуры верили в реинкарнацию души, и для них подобные ритуалы являлись способом вернуть душу благого царя в материальный мир, обеспечив ей возвращение в царской семье. У ариев также, по всей видимости, были подобные ритуалы, которые, надо думать, восходят еще ко времени индоевропейского единства. Эти ритуалы связаны с так называемым культом предков.

Описание обряда ритуального каннибализма мы встречаем и у Сирано де Бержерака, французского мыслителя и писателя XVII века, в его произведении «Государства и империи Луны». В нем автор довольно подробно описал, как отправляют к праотцам престарелого лунянина с его добровольного согласия его же отпрыски. При этом они не просто помогают уйти из жизни своему патриарху, но и варят в котле его мясо и почуют им молодых людей и их подруг во время то ли празднично-свадебного, то ли поминального пира. Отведав этого мяса, молодые люди предаются усладам любви, при этом считается, что в чреве какой-нибудь девушки обязательно зародится душа покойного. Родившегося младенца привечают, и ему по праву принадлежит имущество покойного, его империя, власть и слава.

Таким образом, Сирано де Бержерак в своем романе воспроизвел древний ритуал, распространенный у индоевропейцев. К тому же действие романа разворачивается на Луне. Надо отметить, что именно Луна, по представлениям индоариев, является обителью предков, где пребывают души патриархов и их жен.

Похожие сюжетные линии мы можем видеть сразу в нескольких мифах. Некоторые из них весьма древние. Так, существует древний армянский миф об Аре Прекрасном, царе Армении. В него влюбляется вавилонская царица Шамирам. Она требует от него немедленной любви, не желая ни с одной женщиной делить своего возлюбленного. Однако Ара отказывает царице в этом. Оскорбленная царица идет войной на Армению и требует от своих воинов захватить в плен армянского царя. Но вавилонские воины убивают царя на поле битвы. Шамирам находит его тело после битвы и, призвав духов предков, просит их воскресить Ару. Что и было сделано. Таким образом, царица добила-таки своего.

Известен еще более древний шумерский миф на ту же тему, относящийся к еще более древнему времени – к началу 3-го тысячелетия до н. э.

В богиню плодородия Инанну – дочь бога луны и сестру бога солнца – влюбляется пастух Думузи. Однако Инанне и Думузе не суждено быть вместе.

Инанна спускается в подземный мир, чтобы выполнить необходимые похоронные обряды по своему предыдущему мужу и дабы освободить себя для нового замужества. Однако, спустившись в царство смерти, богиня плодородия не может выйти назад. Инанна

проходит через семь ворот смерти. Стражи ворот за проход через них требуют от Инанны что-то взамен. Инанна последовательно снимает с себя сначала свои магические украшения, которые оберегают ее жизнь, а затем и одежды. В конце своего пути Инанна предстает обнаженной перед богиней смерти, и та направляет на нее «взгляд смерти», как на обычную смертную женщину. После чего Инанна превращается в труп, который богиня смерти вешает на крюк. С исчезновением и смертью богини плодородия земля перестала плодоносить. Обеспокоенный этим верховный бог Энки отправляет к богине смерти своих послов. Спустившись в царство смерти, послы бога застают саму богиню смерти в плачевном состоянии – она никак не может разрешиться от бремени, поскольку после гибели богини плодородия прекратились роды не только на земле, но и в царстве смерти. Послы Энки магическим путем помогают богине смерти разрешиться от бремени, но при этом берут с нее слово, что она выполнит их любое желание. Богиня смерти дает такое слово. Послы Энки просят труп богини плодородия и получают его. Они оживляют при помощи магических формул Инанну, но вывести ее из царства смерти не могут, так как в «стране без возврата» действуют единые правила для людей и богов. Умерший не может покинуть страну смерти, не оставив там себе замену. После долгих и мучительных поисков замены Инанна решает отправить вместо себя в страну «вечного покоя» своего возлюбленного Думузи. Инанна отправляется за ним в страну живых в сопровождении демонов смерти. Она проходит все семь ворот смерти в обратном порядке и получает от стражников отданные им за проход свои платья и магические украшения. Облачившись в свои наряды, богиня плодородия вновь обретает магическую силу. Она выходит на поверхность и быстро разыскивает своего возлюбленного, сидящим на троне в царских одеждах. На него она без сожаления устремляет «взгляд смерти». Однако Думузи, не желая смириться со своей участью, бежит от бывшей любовницы к своей сестре, которая укрывает его. Однако Инанна при помощи демонов смерти находит Думузи. Он бежит еще дальше, последовательно превращаясь в газель и ящерицу. Но в конце концов демоны смерти настигают его и разрывают его тело на части. Душа его под конвоем сопровождается в мир мертвых. Однако сестра Думузи, проникнувшись состраданием к участи брата, добровольно сходит в царство смерти и предлагает свою жизнь богине смерти в качестве выкупа за освобождение своего брата. Но последнее слово в решении этого спора остается за Инанной. Она изрекает: «Полгода ты будешь в царстве смерти, а полгода – твой брат». Так и происходит по слову богини плодородия. Полгода в царстве смерти проводит пастух, бывший возлюбленный Инанны, а полгода – его сестра. При этом брат и сестра могут встретиться друг с другом лишь на несколько мгновений, когда кто-то из них спускается в царство смерти, а кто-то его покидает.

В этом шумерском мифе мы можем угадать черты нашей славянской легенды об Иване да Марье. Брат и сестра не могут быть вместе, дабы не нарушать заповеди бога.

Кто такие были шумеры по этническому признаку, специалисты не знают; некоторые настаивают, что шумеры могли быть древними протоиндоевропейцами. Однако древняя шумерская цивилизация постепенно переходит под контроль семитских племен, перекочевавших из земли древней Аравии. В позднем варианте этого мифа мы уже имеем дело с аккадско-вавилонским мифом о богине Йштар и ее женихе. Считается, что имя этой богини восходит к более древнему имени Астар, что у восточных семитов означало «богиня» в общем смысле; у западных семитов под именем Астарты понималось имя собственное. Так, в Уруке культ Йштар был связан с оргиастическими празднованиями; возможно, эти празднества изначально сопровождались принесением человеческих жертвоприношений и самооскоплением. Попытки уничтожить обряды Йштар совершались с конца 2-го тысячелетия до н. э. Но окончательно Йштар в своей ипостаси Нанайи потеряла характер богини оргиастического культа лишь в конце правления династии Ахеменидов (V–IV вв. до н. э.). Наиболее распространенными эпитетами этой богини были «владычица богов», «яростная

львица», «Йштар-воительница». В иконографии Йштар иногда изображалась со стрелами за спиной, что указывает на ее функцию богини охоты. В аккадской мифологии у Йштар более отчетливо, чем это наблюдалось у шумерской Инанны, проявляются функции богини созидательницы жизни, помощницы при родах. Именно к ней обращались роженицы, дабы ускорить и облегчить роды.

В западно-семитской мифологии Астарта была олицетворением планеты Венера, богиней любви и плодородия, а также богиней-воительницей. В древнем Египте Астарта воспринималась как богиня владычица коней и колесниц, богиня сражений. Она также связывалась с морем и водной стихией. Весьма интересно, что в русской сказке о жар-птице Василиса-царевна также связана с морем и водной стихией; ее подвенечное платье хранится посреди моря под большим камнем. Море и водная стихия у славян являются олицетворением царства мертвых. Это сближает «нашу» Василису-царевну с шумерской богиней Инанной, отправившейся в царство мертвых. Инанна, дабы попасть в страну «откуда нет возврата», снимает с себя магические украшения и платья. Уж не за этим ли отправляется стрелец-молодец к морю, там, где восходит солнце? Стрелец-молодец рискует, он может запросто сам остаться в царстве смерти. Но его верный конь находит способ достать подвенечное платье, не погружаясь в губительные воды.

При всем при этом, когда платье доставлено, Василиса-царевна прямым текстом требует от царя принести в жертву своего стрельца-молодца, бросив его в кипящий котел. Уж не является ли это выкупом за ее жизнь посреди людей?

В эллинский период Астарта отождествляется с греческой богиней Афродитой, которая полюбила Адониса и, когда он погиб, спустилась за ним в нижний мир. Дамасский (VI век н. э.) приводит миф о том, как Астарта преследовала своей любовью Эшмуна и, когда он погиб, она воскресила его вседарующим и всепорождающим теплом своей любви. Известны древние изображения Астарты в виде нагой всадницы, стреляющей из лука. Известно также, что в период становления иудейского монотеизма пророки вели с культом Астарты ожесточенную борьбу, всячески преследуя ее поклонников.

Умерший и воскресший спутник богини

Современный читатель наверняка затруднится дать оценку образу Инанны и Астарты. С одной стороны мы видим влюбленную богиню, желающую сочетаться законным браком со своим избранником. С другой стороны богиня без всякого сожаления отправляет своего любовника на смерть. Согласитесь, что образ Инанны и Астарты весьма противоречивый, как, впрочем, противоречивый образ и у русской Василисы-царевны. Однако это противоречие лишь кажущееся. В былые времена люди верили, что они не умирают навсегда и что смерть – лишь временная пауза в череде жизней. Богиня без сожаления отправляет своего избранника на тот свет вместо себя, чтобы его вновь обрести в следующей жизни.

Этот весьма типичный для древней идеологии разворот событий мы видим и в мифе об Афродите и Адонисе. С Афродитой более или менее понятно – она богиня плодородия, попавшая в Грецию из Малой Азии. С Адонисом несколько сложнее. Изначально он является божеством финикийского происхождения с ярко выраженными растительными функциями. Считается, что он связан с периодическим умиранием и возрождением природы. В греческую мифологию Адонис попал, вероятно, из финикийско-сирийской мифологии. На финикийском языке имя «Адон» означает «господь», «владыка».

Миф об Афродите и Адонисе весьма напоминает миф об Инанне и ее возлюбленном Думузе.

Афродита, рассердившись на не почитавшую ее царскую дочь, внушает той страсть к родному отцу. Отец ее, не подозревая, что прекрасная девушка – его дочь, поддается соблазну и вступает с ней в кровнородственную связь. Когда же он узнает, что его возлюбленная – его собственная дочь, он проклинает ее. Проклятие отца мигом осуществляется, и девушка превращается в мировое дерево. В положенный срок ствол дерева трескается и из расщелины вываливается ребенок. Афродита передает младенца в закрытом ларце на воспитание богине подземного мира. Когда младенец вырастает, то он превращается в прекрасного юношу Адониса. Афродита, восплавав к нему неземной страстью, требует у богини подземного мира вернуть ей Адониса. Однако не тут-то было. Богиня смерти сама влюблена в Адониса и не желает с ним расставаться ни при каких обстоятельствах. В спор богинь вмешивается сам Зевс. Он повелевает Адонису полгода проводить в царстве смерти вместе с богиней подземного мира, а другую половину года – в царстве живых вместе с Афродитой.

Однако такое положение вещей не устраивает еще одну богиню – Артемиду. Она чувствует себя уязвленной. Когда Адонис пребывает в очередной раз на земле, она насылает на Адониса дикого кабана, который его смертельно ранит. Душа Адониса отправляется навечно в мир теней. Из пролитой крови Адониса вырастают розы, а из пролитых слез Афродиты – анемоны. Красивая легенда.

Культ Адониса существовал в Финикии, Сирии, Египте, на Кипре и Лесбосе. В городе Библ, в святилище Афродиты, проходили ежегодные празднования, посвященные умирающему и воскрешающему богу. Причем первый день праздника был посвящен плачу, а второй – радости по поводу чудесного воскрешения Адониса из мертвых. Рассказывали, что в день всенародного плача воды реки Адонис окрашивались в красный цвет, происходило это якобы в тот момент, когда в горах Ливана в очередной раз погибал Адонис. Все это в значительной степени напоминает восточные культы Осириса, Таммуза и прочих богов.

В V веке до н. э. культ Адониса распространился в материковой Греции. В Аргосе женщины оплакивали Адониса в специальном здании, а в Афинах под погребальные песнопения и плачи повсюду выставлялись изображения умерших. Поздней весной и ранней осенью женщины выставляли на окна своих жилищ горшочки с быстро распускающимися, а также

быстро увядающими цветами – так называемыми «садиками Адониса», которые свидетельствовали о быстротечности и непредсказуемости жизни.

В Александрии пышно праздновали священный брак Афродиты и Адониса, а уже на следующей день с причитаниями и плачем несли статую Адониса к морю и погружали ее в воду. Это действие символизировало возвращение Адониса в царство смерти.

Такая же сюжетная линия присутствует и в мифе о западно-семитской богине любви Астарте. Угаритский царь Каратау проклинает своего взбунтовавшегося сына и призывает на его голову гнев богини Астарты и Хорона – божества подземного мира. Очевидно, божества не поделили того, на кого должен был обрушиться их гнев. Вот и приходилось проклятому сыну пребывать полгода то в царстве живых, то в царстве мертвых.

Как считают, Астарта в Египте отождествлялась с богиней Сехмет (буквально «могучая»). Сехмет – богиня войны и палящего солнца. Обычно она изображалась в виде женщины с головой львицы. За грехи она истребляет людей, так сказать, первой допотопной формации. Во время битвы Сехмет охраняет фараона. Один ее вид повергает врагов в ужас. Пламя ее дыхания уничтожает все живое. Взгляд Сехмет обладает магической силой. Богиня запросто может погубить человека, даже того, в кого влюблена. Очевидно, в облике Сехмет нашел приют противоречивый образ губительницы и одновременно охранительницы и дарительницы благ. Очевидно, Сехмет, как и иные богини подобного ряда, могла бы собой символизировать самую первую роковую женщину, связь с которой опасна для мужчины.

Быть может, образы многих богинь плодородия обладают такими серьезными противоречиями именно потому, что рождение и смерть шествуют рядом? Любой рожденный человек должен умереть.

Роковая любовь богини-воительницы

Небезынтересна и иная коллизия. Во многих мифологиях образ богини плодородия расщепляется на образ богини матери, дарующей жизнь, и богини смерти, жизнь отнимающей. Вот, скажем, в греческих мифах богине любви Афродите противостоит богиня Артемида, сестра Аполлона. Артемида позиционируется как «медвежья богиня», «владычица», «убийца». Есть у Артемиды и ее основная функция – она богиня охоты. Артемида проводит время в лесах и горах, охотясь в окружении нимф – своих спутниц и тоже охотниц. Она вооружена луком и ее постоянно сопровождает свора злобных собак. Богиня обладает решительным и агрессивным характером. Она часто пускает свой лук в дело, пользуясь им как орудием наказания. Перед Артемидой должен был оправдываться сам Геракл, убивший ланя с золотыми рогами без ведома богини. Как считают, губительные функции богини связаны с ее архаичным прошлым – владелицей зверей на острове Крит. Древнейшая Артемида не только охотница, но еще и медведица. В Аттике жрицы Артемиды надевали на себя медвежьи шкуры и исполняли ритуальные танцы. Святилища Артемиды часто располагались в чащобе леса, вблизи источников и болот. Артемиду так и называли Лимнатис – «болотной». Как тут не вспомнить о Царевне-лягушке из русской сказки, обладающей весьма неговорчивым характером и готовой даже погубить своего возлюбленного. Артемида – это символ целомудрия. В Греции, согласно преданию, перед свадьбой Артемиде приносили искупительные жертвы. Царю Адмету, забывшему об этом обычае, Артемида наполнила брачные покои змеями. Юный охотник Актеон, нечаянно подсмотревший омовение богини, был за это превращен ей в оленя и растерзан псами. Артемида убила свою спутницу охотницу Каллисто, превратив ее в медведицу. Артемида прогневалась на нимфу за нарушение ею целомудрия. Артемида убила и Буфага – «пожирателя быков», который осмелился посягнуть на нее. К тому же Артемида Эфесская являлась покровительницей амазонок. Как известно, племя амазонок обитало где-то в Скифии. Эти женщины-воительницы убивали мальчиков и оставляли себе только девочек, которых воспитывали в строгости, обучая их военному ремеслу. Девочкам прижигали правую грудь, чтобы было удобно стрелять из лука. Однако, согласно легенде, амазонок взяли себе в жены скифские юноши, и таким образом появилось племя скифов-сарматов. Древнее представление об Артемиде связано с ее лунной природой, в тоже время ее брат Аполлон ассоциируется солнцем.

Однако в образе Артемиды можно угадать древние черты богини-матери. Ее сближают с малоазиатской матерью богов Кибелой. В малой Азии в знаменитом Эфесском храме почиталось изображение Артемиды многогрудой, что указывает на ее изначальные функции богини плодородия. Артемида через свою помощницу Илифию помогает роженицам, что красноречиво свидетельствует о ее прежних предпочтениях. Только появившись на свет, согласно мифу, Артемида уже помогает своей матери принять родившегося вслед за ней Аполлона. Однако в то же время Артемиде принадлежит прерогатива приносить быструю и легкую смерть, что, конечно же, сближает образ Артемиды с хтонической необузданностью Кибелы.

Кибела появляется всегда на золотой колеснице в короне, напоминающей зубчатую башню, в сопровождении безумствующих корибантов и куретов, диких львов и пантер. Она владычица гор и лесов, зверей и птиц, регулирующая их неиссякаемое плодородие. Она требует от своих поданных полного самоотречения и служения ей одной. Толпы ее поклонников в безумном восторге и экстазе следуют за ней, нанося себе кровавые раны и оскоряя себя во имя Кибелы. Мифологема такого поведения базируется на легенде, согласно которой ее любимец и стаж ее храма Аттис, нарушил обед безбрачия, увлекшись нимфой. Кибела губит нимфу, а на Аттиса насылает безумие. В состоянии аффекта тот сам оскоряет себя.

Как считают специалисты, в культе Кибелы объединены аскетическое самоограничение, экстаз и оргазм, а также функция плодородия. Впоследствии эти функции разделились и стали прерогативой разных богинь. Так, в Греции Артемида покровительствует целомудрию, а Афродита плодородию. Отсюда и происходит их вечная вражда. В конце концов обе божественные дамы не поделили одного возлюбленного, что и явилось причиной его гибели. Весьма интересно, что Атгиса, стража храма Кибелы, убивает кабан, что сближает этого несчастного любовника с образом Адониса, также погибшего от кабана, посланного разгневанной Артемидой. Это указывает на общие истоки мифов о богине-матери, культ которой был распространен в древние времена у индоевропейцев и не только у них. Культ матери идет бок о бок с культом богини смерти. Не даром баба-яга, которая может ассоциироваться в русских сказках с богиней смерти, является матерью Царевны-лягушки или Василисы Премудрой, которая неровен час готова сама погубить своего любовника. Очевидно, такое желание возникает у Василисы Премудрой от большой любви, а может быть, и ревности. Мертвый любовник уже не станет ухаживать за какой-нибудь другой царевной. Навечно он останется в памяти Царевны ее преданным воздыхателем. Поэтому альтернатива, которую мы видим во многих мифах, выгодна для мужского персонажа – он часть времени проводит в царстве смерти, а часть времени – в царстве жизни. Таким образом, он удовлетворяет страсть и богини подземного мира, и богини жизни и плодородия. Удивительно, что обе богини смирились с таким положением вещей и больше не желают заполучить своего любовника в безраздельное пользование.

В русских сказках мы, впрочем, имеем иную коллизию, в них по большей части мы встречаем женский персонаж, похищенный демоном смерти – лютым змеем или Кощею Бессмертным. Так, в одной народной сказке Иван-царевич несколько раз безуспешно пытается увести Василису Премудрую из замка Кощея Бессмертного, когда самого Кощея нет дома. И всякий раз Кошечей догоняет Ивана-царевича и отнимает у него Василису Премудрую. В последний раз он, устав от преследования, убивает Ивана-царевича, но его воскрешает жар-птица, которая окропляет его изрубленное тело живой и мертвой водой; Иван-царевич оживает. Вместе со своим чудесным воскрешением он получает особую силу, и в очередной раз, похитив из замка Кощея Василису Премудрую, он уже сам расправляется с ненавистным Кошеем.

Таким образом, два мужских персонажа – демонический и благостный поочередно стремятся завладеть царевной. Здесь мы видим ту же сюжетную линию, что и в случае с любовником двух богинь. Царевна символизирует собой свет и само солнце, поочередно присутствующее то в земном, то в подземном мире.

Кто похитил молодильные яблочки царь-девицы?

Знакомый сюжет об исчезновении солнца и его возвращении на небосклон мы можем при желании увидеть и в такой весьма известной русской «Сказке о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде». Мотивы этой сказки близки к германо-скандинавскому мифу о богине Идунн и ее молодильных яблочках, а также к древнегреческому мифу о путешествии Геракла в сад Гесперид за молодильными яблоками. Не исключено, что сюжеты этих мифов и русской сказки восходят к неким древним легендам индоевропейцев. Кроме того, в русской сказке отчетливо прослеживаются мифологемы, характерные для Скифии середины 1-го тысячелетия до н. э. Судите сами: Жил был царь. Посылает он своих трех сыновей разыскать его молодость. Младший сын оказался самым удачливым. Он не стал искать молодость отца на земле, а перепрыгнув на своем удалом коне через огненную реку, оказался в царстве смерти, где повстречал бабу-ягу (царицу подземного мира). После некоторой заминки и выяснения отношений бабу-яга решила помочь царевичу. Она указала ему прямой путь ко дворцу спящей царевны, которая ей сестрицей приходилась. У той царь-девицы молоджавые яблочки подмышками растут. Рассказала бабу-яга царевичу, как ему тайно пробраться во дворец, который охраняет ужасный змей, рассказала ему, как войти в опочивальню царицы и сорвать тихонько яблочки, но строго-настрого наказала, чтобы на красу царевны он даже и не зарился, ибо жизни лишится.

Так царевич и поступил: под покровом ночи он пробрался во дворец царь-девицы, вошел в ее опочивальню и тихонько сорвал молодильные яблочки; да вот незадача – не удержался и взглянул на красу девичью. Взглянул и обмер, такой красоты ненаглядной девичьей он в жизни и не видывал. Захотелось царевичу царь-девицу поцеловать, приобнять. Не удержался – поцеловал, приобнял. Пробудилась тогда царевна от своего сладкого сна да как закричит: «Слуги мои верные, кого вы ко мне допустили?» Всполошился весь дворец; тут молодец-удалец схватил молодильные яблочки, выбежал во двор, вскочил на своего ретивого коня и, быстрый как ветер, прочь поскакал. Однако царь-девица не успокоилась, криком кричит: «Лови, держи, похитителя!» Погоню за царевичем снарядила; сама вскочила на своего вороного коня – вот-вот догонит – саблей зарубит. И было уже догнала, уже и руку с саблей подняла, да молодец-удалец изловчился и через огненную реку перепрыгнул. На другой берег, в царство живых, не могла уже царевна вслед за ним перепрыгнуть. Лишь прокричала она молодцу напоследок: «Гляди, я до тебя доберусь! Жди меня через три года, я на корабле к тебе приплыву! Тогда ты от меня не уйдешь!»

Встретил царевич в царстве живых своих братьев, что без дела по миру шлындали, рассказал он о своих приключениях. Завидно стало братьям, что не они отцовский наказ исполнили. Подождали братья, как заснул царевич, и изрубили его на куски и по полю его белое тело разбросали. Вернулись братья к отцу, преподнесли ему молодильные яблочки и говорят: «Выполнили мы, отец, твое поручение, а младший брат все время от дела отлынивал, не захотел он и к тебе возвращаться». Осерчал царь на своего младшего сына и решил больше о нем и не вспоминать; а страже дал приказ, чтоб младшего сына под его очи не допускали.

Меж тем в поле, где куски тела порубленного царевича лежали, прилетела откуда ни возьмись жар-птица. Собрала она куски тела его белого, воедино сложила, побрызгала мертвой водой, тело и срослось, побрызгала живой водой – ожил царевич, лишь только молвил: «Как долго я спал!»

Возвратился царевич к своему батюшке-царю, а его стража у стен городских не пускает: «Мол, велено по царскому указу царевича прочь взашей гнать!» Заплакал царевич, пригорюнился и пошел куда глаза глядят...

Меж тем уже три года прошло, и приплыла к тому городу царь-девица на многих кораблях с войском немереным, как и обещала. У царь-девицы той два сына взрослыми богатырями уже к тому времени стали, от царевича прижитые, росли они не по дням, а по часам. Окружила царь-девица со своим воинством город; требует от царя выдать ей виновника, что похитил у нее молодильные яблочки, иначе грозит город разорить, царя убить. Делать нечего, вышел к царь-девице старший царский сын. А царь-девица говорит: «Не тот это молодец, что у меня молодильные яблочки похитил». Приказала она своим сыновьям-богатырям отхлестать его плеткой и выгнать вон из своего шатра.

Вышел тогда к царь-девице средний царский сын, а она опять говорит: «Не тот это молодец, что у меня молодильные яблочки похитил», – и велела его сыновьям плеткой отхлестать и выгнать вон из шатра.

Пришлось царю срочно своего третьего младшего сына разыскивать; насили его разыскали и к царь-девице доставили. Как увидела его царь-девица, так сразу и кричит своим сыновьям: «Что ж вы стоите, аль не видите, идет ваш батюшка, берите его под белые ручки и ко мне ведите». Взяли богатыри царевича под белые ручки и в шатер к царь-девице привели. Стал царевич с царевной обниматься, миловаться. Вскоре и свадьбу сыграли. А своих старших сыновей выгнал царь прочь с глаз своих. И поделом им.

Как видим, в этой сказке и в самом деле присутствуют мотивы, характерные для других подобных сказок. Царевич путешествует за молодильными яблоками в царство смерти. Похищает у царь-девицы ее сокровище и умудряется доставить их в царство живых. Но гибнет от рук своих собственных братьев. Очевидно, это расплата за вероломство – никто не имеет право по своему желанию попасть в царство смерти и выйти оттуда по своей воле.

Однако царевича воскрешает неизвестно откуда взявшаяся жар-птица. Вероятно, в облике жар-птицы предстает сама царь-девица; ведь никто, кроме нее, не может считаться хозяйкой живой и мертвой воды и молодильных яблочек. В образе царь-девицы мы с вами угадываем черты если не богини смерти, то, по крайней мере, богини плодородия, оказавшейся в чертогах смерти. То, что царевна при этом спит, указывает на версию ее временной смерти, которую мы уже встречали в древнем шумерском мифе о богине Инанне, добровольно спустившейся в царство смерти да там и оставшейся. Роднит русскую сказку с шумерским мифом как то, что Инанна является сестрой богини смерти, так и то, что баба-яга является сестрой царь-девицы.

Орлиная эпопея о сакральных яблочках

Сакральные молодильные яблочки, очевидно, являются символом вечно обновляющейся жизни и возрождающейся природы. То обстоятельство, что русская сказка похожа на шумерский миф, вызывает некоторые ассоциации. Быть может, древние шумеры, этногенез которых неизвестен, имеют некоторое отношение к русским, как и прочим индоевропейским народам? По крайней мере, аналогичные сюжеты мы встречаем и в греческой мифологии. Так, в греческой мифологии хранят золотые яблочки не одна царь-девица, а три нимфы – Геспериды. Нимфы живут на краю мира у берегов реки Океан. Все они дочери Ночи. Имена трех нимф-сестриц: Айгла («сияние»), Эрефия («красная») и Геспера («вечерняя») – указывают на светозарное их происхождение. Не исключено, что три нимфы изначально символизировали три зари: утреннюю, дневную и вечернюю. Во время прибытия аргонавтов во главе с Ясоном в сад Гесперид эти светозарные девы превращаются в деревья. Не содержится ли здесь намек на яблони, на которых растут золотые яблочки? Сад Гесперид охраняет дракон Ладон, которого и убил посетивший волшебный сад Геракл. В русской сказке город со спящей царевной также охраняет могучий змей – дядюшка царевны, который так велик, что свернулся кольцом вокруг города так, что голова с хвостом сошлась. Царевич хоть и не убивает змея, но проникает в город хитростью – перепрыгивает по научению бабы-яги через дородное тело змея на волшебном коне. Параллели здесь очевидны.

В скандинавской мифологии также есть женский персонаж – богиня Идунн, – весьма похожий на царь-девицу и на богиню плодородия. Само имя собственное Идунн, вероятно, переводится как «обновляющаяся». Идунн – обладательница чудесных золотых яблочек, благодаря которым боги сохраняют свою вечную молодость. Однако вечной молодости богов грозит серьезная опасность, так как великан Тьяцци хитростью завладевает богиней Идунн вместе с ее яблоками. Боги срочно предпринимают меры к спасению, обнаружив у себя первые признаки старения – седину волос, дряблость кожи и прочие неприятности. Они учиняют расследование инцидента, в ходе которого выясняется следующая картина, достойная детектива. Один из трех главных богов Локи, участвующий, между прочим, в оживлении людей, как-то жарил жертвенного быка. Но откуда ни возьмись, прилетел огромный орел, который стал хватать самые лучшие куски жертвы. Локи схватил палку и пытался отогнать ненасытную птицу от жертвенной туши быка. Но палка удивительным образом срослась с хвостом орла и рукой Локи. Огромный орел взмыл в поднебесье и Локи оказался в буквальном смысле между небом и землей. Это был непростой орел, а великан Тьяцци. За освобождение Локи он требует выкуп, чтобы бог сам доставил к нему богиню Идунн вместе с ее молодильными яблочками. Знать, Тьяцци таким образом намеревался сам стать бессмертным. Локи в награду за свое освобождение обещает великану украсть для него богиню.

Локи заманивает Идунн в глухой лес, где якобы он обнаружил другие молодильные яблочки, и отдает ее во власть Тьяцци. Очевидно, Локи легкомысленно полагал, что это ему сойдет с рук. Но он ошибался. Боги устроили Локи допрос с пристрастием и, пользуясь тем, что все боги, в том числе и сам Локи, потеряли бессмертие, стали угрожать ренегату расплатой – смертью. Локи обещает богам выкрасть богиню Идунн у великана. Он, прикрепив к своему телу оперение орла, взмывает вверх и похищает Идунн из ее темницы. Вслед за ним пускается в погоню великан, тут же сам превратившись в орла. Однако этого орла-великана боги подпалили и убили, воспользовавшись его уязвимостью. Ненастоящий орел Локи возвращает богиню и ее яблочки богам. Вся эта орлиная эпопея очень напоминает мотивы легенд о похищении и возвращении с небосклона солнца. Быть может, этот мотив восходит к далекой вселенской катастрофе, когда с неба исчезло солнце?

Удивительны и другие параллели: в русской сказке действуют три брата, вознамерившиеся вернуть молодость своему отцу. В скандинавской легенде из «Младшей Эдды» о богине Идунн и ее молодильных яблочках действуют три бога, у которых пропала богиня вечной молодости. Один из братьев оказался ренегатом, за что остальные угрожают его убить. В русской сказке старшие братья расправляются со своим младшим братом, убивая его. Однако его оживляет жар-птица – богиня, принявшая, вероятно, такой облик.

В скифо-сарматской мифологии мы также находим знакомую нам параллель о трех братьях: у самого первого бога и человека – царя Скифии – Таргитая было три сына. Задумал царь разделить свое царство между сыновьями, но желал это сделать по справедливости. Послал он сыновей добыть священные золотые предметы: ярмо, секиру и чашу, – что с Неба упали. Нашли сыновья то, что искали. Решил старший сын по принципу старшинства сокровища себе взять, но, как только приблизился к ним, сокровища воспламенились – жар такой стоит, что близко не подойти. Тогда средний сын решил сокровища себе взять, но вновь предметы воспламенились. И лишь когда младший сын приблизился к сокровищам, огонь по знамению небес сам собой погас. Тем самым было указано, кто главный из братьев – им оказался меньший брат – первый представитель жреческого сословия. Он взял золотую чашу себе, а секиру и ярмо вручил своим братьям в пользование. Таким образом, мы видим единство трех сословных групп древнего скифского общества: жрецов, воинов и землепашцев. Главный над всеми жрец – младший брат, уже по своему статусу он совершает постоянные путешествия в мир мертвых и в мир богов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.